

Мини-роман

ЗИМНИЕ КАНИКУЛЫ

ТАТЬЯНА КРАСНОВА

Татьяна Краснова

ЗИМНИЕ КАНИКУЛЫ

мини-роман

Глава 1

*Ты и я – одна компания,
Я и ты – одна компания,
В каждом – море обаяния
У нас с тобой.*
(Мультик «Голубой щенок»)

– Давай-давай. Папа подвезет. Ты, в конце концов, директорская дочка.

С этими словами Катю отправили в школу, а точнее – выставили из кухни. Что значит войти туда не вовремя, когда родители собрались обсуждать что-то важное! Катя в школу и не собиралась – вчера у десятиклассников была новогодняя дискотека, и сегодня наверняка никто не придет. Да и не успеть уже, звонок через пятнадцать минут. Но командирский голос мамы зазвучал громче, и Катя побежала одеваться, а Перехватов-старший – заводить машину.

И что толку от этой дисциплинированности? Зевать в полупустом классе, получив творческое задание читать учебник, вместо того чтобы, безмятежно устроившись в кресле, щелкать пультом телевизора, звонить девчонкам... Вызова к доске или внезапной контрольной можно не опасаться – все отметки уже выставили, но даже ощущение безопасности, обычно такое отрадное, потеряло всякий вкус. Жаль, день пропадает! И что там, на кухне, за тайны?

А теперь – обратный путь. Мама в свое время определила Катю в престижную гимназию, вслед за старшим братом, а то, что туда топать полчаса – «ничего, заодно и

воздухом подышишь». Подвозить же «директорскую дочку» папа принципиально отказывался – «баловство». Впрочем, куда приятнее встречаться на перекрестке с подружками и дальше идти вместе, обсуждая свои дела.

Вот только сейчас приходится брести одной, потому что умные люди дома сидят, каникулами наслаждаются. Или по магазинам бегают – они такие праздничные, в серебряном дожде и огоньках.

У входа на новогоднюю ярмарку, рядом с огромными цифрами 2006, заводной Дед Мороз зычным голосом поздравлял с наступающим. А вот сюда надо бы заскочить, еще не все пустяковины куплены.

На городской площади вместо живой елки, которую в их маленьком подмосковном Белогорске решили уже не ставить, наряжен синтетический зеленый конус – до того абстрактный, что оторопь берет.

В парке на центральной аллее расчистили место для снежных фигур, и несколько умельцев уже взялись за работу. Этот конкурс проходит каждый год, на Рождество будет праздник с призами. Главное, чтобы оттепель не подпортила.

Катя любила застать момент, когда будущей красоте только-только предстоит воплотиться, и она по большей части находится в головах создателей, но уже начинает волшебным образом угадываться – и кажется, что голубой морозный воздух дрожит и сгущается там, где сейчас поднимутся зубчатые стены снежной крепости, вырастет голова медведя или корона Снежной Королевы. Технику участники, и любители, и профессионалы, применяли разную – одни утрамбовывали снег в формы из деревянных щитов и потом уже вырезали скульптуру, у других фигуры постепенно вырастали прямо с чистой площадки – тем любопытнее распознавать замысел.

Ведь и в новогоднем празднике самое интересное – не сам Новый год, а его ожидание и предчувствие таинства...

Уже во дворе, рядом с подъездом на Катю обрушился мини-снегопад.

– С наступающим! Отмучилась? Каникулы?

Сзади стоял и улыбался – или, точнее, скалил зубы братец Алешка, в куртке нараспашку, без шапки – и все еще дергал за ветку дерева. Катя молча отряхнула серую кроличью шубку и такую же шапочку с бубенчиками на длинных шнурках, спокойно двинулась к подъезду, поднялась на крыльцо – и, круто повернувшись, запустила снежок прямо в цель, невозмутимо подтвердив:

– Каникулы.

Но брат проворно отклонился и отбил снаряд на лету. Модная прическа не пострадала. Катя подумала, что футбол потерял гениального вратаря – увы, Алексей Перехватов играет в теннис. А еще – что с такой реакцией надо в космос посылать. И подальше, в глубь Вселенной. Но на это нечего надеяться – ведь старший братец даже в Москву не уехал учиться, предпочтя местный институт. А как бы могло быть дома хорошо, спокойно!

Глава 2

*Я видала такую чепуху, по сравнению с
которой*

эта чепуха – толковый словарь!

(М/ф «Алиса в стране чудес»)

Алешка и дальше продолжал заниматься любимым делом – мешать: лез мыть руки прямо поверх Катиных, потом присоседился к сковородке с курицей. Не лучше пуделя Арчи, который тоже всегда топчется рядом или наступает на пятки. Когда Катя завернула в прихожую за журнальчиком, оставленным у зеркала, в зеркале появилась все та же синеглазая физиономия, и Алешка через ее плечо положил на стопку сегодняшних газет – так бережно! – невзрачный тоненький листочек.

Это была новая городская рекламная газетка, где он последний месяц подрабатывал – кажется, занимался

версткой, программами, вообще компьютером, который там вроде бы один-единственный. Ну, может, два их... Кидали это произведение Алешкиного искусства бесплатно во все городские почтовые ящики, и в их в том числе, но он сам приносил домой каждый новый номер, вот так торжественно – как будто кто-то жаждет увидеть «Белогорские вести».

– Какие же это вести, – не удержавшись, фыркнула Катя. – Где тут вести? Я не вижу. Одна реклама, чего читать-то! Тоже мне газета.

Вместо того чтобы отделаться какой-нибудь иронической фразой, которых в нем, казалось, был мешок, Алешка с жаром принялся доказывать, что «Белогорские вести» – газета, что у нее большое будущее, что новости скоро появятся, что это ведь только начало, что городу своя газета давно нужна... Из чего можно было сделать вывод, что брат не на шутку увлекся этой ерундой, как в свое время солдатами и трансформерами, а потом теннисом – утонул просто по самые уши. А говорил – халява, пару вечеров в неделю, на сигареты подработать.

– Ладно, ладно, – отмахнулась Катя. – Ты лучше елочные игрушки достань из кладовки. Сколько можно просить.

Теперь уже Алешка махнул рукой:

– Да ну, потом достану. Еще и елку не купили. Некогда, некогда – я побежал.

– В институт? – крикнула Катя вдогонку.

– В какой институт! В «Вести»! – донеслось с лестницы.

Глава 3

*Разрешите доложить, Христофор
Бонифатьич.*

По-моему, дело – табак!

(М/ф «Приключения капитана Врунгеля»)

Из кухни доносились голоса родителей – недостаточно громкие для пререканий, но и недостаточно тихие для простого разговора. Значит, опять! Катя замерла на минуту, снимая сапог. Они с Арчи вернулись с вечерней прогулки, и надо бы сразу его покормить, чтобы уж завершить заботу о ближнем, мохнатом и хвостатом, и спокойно заняться другими делами.

Но войди сейчас на кухню – и мама с папой снова замолчат, сделав вымученно-непринужденные лица. Кухня – их штаб для обсуждения вещей, которые, как им кажется, детей не касаются. Зайти и убедиться, что она лишняя?

– ...Тогда никакого Нового года! – раздался вдруг папин голос, и такой решительный, что Катя чуть не подпрыгнула. – Мне под шестьдесят, а я всё Деда Мороза изображаю, весело деточек! А он, значит, весь в «хвостах»! Такое отношение к жизни! И вообще, ко мне японцы приезжают, мне на работе хватит хлопот.

Алексей Иванович возглавлял Белогорский НИИ – с тех еще времен, когда директоров вдруг начали выбирать, и его единогласно выбрали.

– Не в хлопотах дело, – отвечала мама еще взволнованной и громче. – У меня, если кто-нибудь заметил, на Новый год всегда – сплошная сессия! Я, может, мечтаю о тапочках и «Голубом огоньке»! Но когда у сына жизнь рушится – о чем мы говорим? Какие могут быть японцы?

Вера Васильевна была деканом в институте, где учился братец.

Катя, не шевелясь, погрозила Арчи: тихо, не прыгай! У Алешки рушится жизнь?! А с виду не скажешь. Наверное, мама преувеличивает, она человек эмоциональный...

– Ты, как всегда, преувеличиваешь... – начал было папа, но мамин голос зазвучал еще громче:

– Вот и когда он устраивался на эту работу, ты устранился! «Пусть сам, пусть сам»! А теперь он из-за копеечной подработки из института может вылететь! И прямо

под весенний призыв! Он же пропадает там целыми днями! Мало того – тоже «сам» завел какую-то даму, на десять лет старше! Что об этом скажешь? Не знал? И я узнала только сегодня! Нельзя же делать вид, что ничего не происходит! Надо срочно с ним поговорить, пока еще не поздно! Ты думай, думай – моё дело сообщить!

Должно быть, папа и правда не знал – повисла продолжительная пауза. Катя тоже была потрясена. Их легкомысленный Алешка, занимательно и с юмором повествующий о каждой своей новой подружке, начиная с пятого класса, – и загадочная взрослая женщина, о которой он не обмолвился ни разу, даже ей. Что это? В этом ощущалась какая-то угроза.

И одна – вполне реальная – уже нависла: остаться без Нового года. Такого еще не было, но это, похоже, не шутка. Ну, наверное, что-то все-таки будет, лихорадочно соображала Катя – елка, салат «оливье». Но это же совсем не то! А настоящий Новый год, с домашним весельем, подарками из мешка, с традиционным гуляньем в полночь у елки на площади и обязательной поездкой в Москву?! Их, перехватовский, фирменный Новый год?!

Папа подытожил:

– Я с ним поговорю – насчет учебы. А дамы все эти – чепуха, в восемнадцать-то лет. Главное – сессию сдать. Пусть сидит учит. И в Москву не поедет! Две недели до конца экзаменов, время дорого. Новый год отменяется.

Куда как славно! А о ней, о Кате, подумали?! Почему у них все мысли только об Алешке, а ее вечно задвигают на задний план!

Когда вернувшийся в ночь-полночь Алешка перехватил возмущенный взгляд сестры, то замахал руками:

– Достану, достану я тебе эти елочные игрушки! Утром.

И получил ледяной ответ:

– Можешь не доставать. Новый год отменяется. Из-за твоих дурацких двоек.

Но брат второй раз за сегодняшний день отбил снежок –

причем это не могло не порадовать:

– Не отменяется. Сейчас звонили – к нам Никита едет на каникулы. Так что всё будет, в лучшем виде, можешь не сомневаться!

Глава 4

*Если бы у меня была вторая жизнь,
то я провела бы ее здесь, в
Простоквашино.
(м/ф «Трое из Простоквашино»)*

Ванная была единственным местом, где можно не опасаться, что тебя побеспокоят. Помимо туалета, конечно. Когда Никита это обнаружил, родители диву дались его внезапно возросшей чистоплотности, с радостью списали ее на переходный возраст и надарили кучу пенек для лица и гелей для душа.

В ванной были спокойствие и свобода, без постоянных взглядов, заботливых и придирчивых. Никита открыл кран и заткнул пробкой черную дыру. Прежде, когда он был маленьким, она его всегда пугала. Ничто не могло заставить его пододвинуть пятаку или палец к урчащему глотающему жерлу и водяной воронке над ним. Хотя пластмассовый крестик указывал на малую ширину и абсолютную невозможность засасывания, Никите представлялось, как его нога делается тоненькой, словно кончик воронки, и втягивается меж ребер пластмассовой перепонки вместе со стекающей водой. Он даже видел уже темные стенки трубы, ее внутреннюю ржавую шершавость...

Вода благополучно наполнила белую ванну, и стало не холодно прикоснуться к ней плечами, и Никита ощущал, как постепенно исчезает его тяжесть, а тело готово развернуться и плыть – волшебные свойства маленькой воды были те же, как если бы он входил в озеро, или лежал на песчаном дне среди

набегающей волны.

Прелесть большой воды он начал понимать на даче у Перехватовых, когда приезжал летом к тете Вере, маминой сестре – и это лето согревало его всю осень и начавшуюся зиму.

...Проснувшись тогда на новом месте, он сразу увидел Катю. Их было две: одна стояла к нему спиной, вторая из высокого стройного зеркала смотрела на первую и тоже причесывалась, свешивая длинные каштановые волосы то вперед, то назад, то влево, то вправо. В результате этих действий, полных сложного смысла, они становились вдвое пышней, и их единая темная масса была окружена легким шевелящимся венчиком, золотым от просвечивающего солнца. Затем в несколько приемов все это было с грубой быстротой превращено в прическу, и механическая заколка щелкнула, как замок.

Никита прибыл ночью, спал мало, а предстояло, не приходя в сознание, ехать дальше на какие-то шашлыки, а потом на дачу. Он тогда в их городской квартире совсем не побыл, да и города толком не увидел. От раннего подъема было мутно в голове – совершенно, как если бы надо было тащиться в школу, а не ехать развлекаться – Никита лежал на диване, тупо глядя перед собой и не шевелясь.

Но после этого щелчка почему-то сразу проснулся.

– Было же лучше! – и для пояснения мысли изобразил пальцами распущенные волосы.

– Я не люблю, – ответила Катя. – Они лезут в рот, и спине жарко, как в шубе. А мы едем купаться, и там песок.

Она взяла сережку и продела в ухо, лизнув перед этим палец и смочив мочку слюной. Этот жест, который Никита ненавидел при перелистывании страниц, теперь не только не вызвал антипатии, но был красивым и естественным, как всё в Перехватовых-женщинах. Тем не менее Катя в зеркале тут же обернулась, хотя спина, стоящая перед Никитой, казалось, была неподвижна.

– В левое плохо вдевается. – Она словно объясняла то,

о чем он только что подумал, но никогда бы не сказал. – Мне первый раз прокололи уши, когда я была совсем маленькой. Потом сережки не носила, и уши заросли. Я так жалела. Так неприятно снова прокалывать. Косметичка правое проколола в том же месте, а левое не удалось, и на нем теперь две дырочки. Я все время путаюсь и вставляю сережку не туда. А ты вставай, сейчас поедем уже.

Неторопливо повествуя об ушах, Катя разглядывала двоюродного брата в зеркало. Она знала, что он старше ее на год, то есть в промежутке между ней и братом Алешкой, которому уже почти восемнадцать, и который поэтому задавака и вечный противник. Но к чьей стороне он ближе – ее или Алешкиной – было пока неясно. Еще она знала по разговорам взрослых, что Никита – маменькин сынок, за которого вечно тряслись еще и бабушки, и он даже не ходил в детский сад. Всё это вместе было суровым недостатком и ставило под сомнение полноценность родственника.

– Эй вы там, готовы? – раздался Алешкин голос.

– Почти, – ответила Катя, выйдя из комнаты, чтобы гость мог одеться и привести себя в порядок, и начала рыться в книжной полке. – Сейчас что-нибудь почитать захвачу... Почему это когда стихи написаны в строчку, интересно читать, даже если глупые, – самой себе сказала она, переваливая из стороны в сторону сыпучие листы старого журнала.

– Потому что забываешь о рифме, а тут на нее и натыкаешься, – отозвался Никита, уже собравшийся в путь.

– Ты понял? – опять словно самой себе сказала Катя. – С тобой разговаривать можно? А я думала, ты вроде Алешки, буквы только на вывесках читаешь.

Оба взглянули друг на друга повнимательнее и первый раз улыбнулись.

Когда в комнату заглянул Алексей Перехватов, Никита сразу насупился. Он разъярился бы от подсказки, что двоюродный брат чем-то лучше – он был о себе довольно высокого мнения – но Алексей превосходил в живой, открытой юношеской наглости, невольно превращавшей его в

существо высшее.

С непонятной подкатившей тоской Никита отмечал, что он и ростом не ниже, и совсем уж не слабее, но всё, что в нем есть достойного, словно разбросано, и все эти преимущества живут своей неспешной жизнью, и нет объединяющего начала: он никогда не смог бы так уверенно войти, так повернуть голову, так поздороваться кивком. Никита не задумывался, а нужно ли ему все это – отработанная непринужденность движений – разумеется, нужно, чтобы внушить окружающим уважение, тому же Алексею.

Алексей посмотрел на него с иронической доброжелательностью, совсем недолго, видимо, сразу что-то для себя уяснив. Повернулся к Кате:

– Я пройдуь пока – мама еще сто лет собираться будет.

Никита чувствовал себя неловко – вроде бы ему пристало быть в мужском обществе, но слишком очевидно, что Алексея он нисколько не заинтересовал. Брат его с собой не позвал, и Никита не знал, куда себя деть.

Рыжий пудель Арчи осторожно нюхал Никитину ногу – знакомился. Он был недостриженным – в пышных мохнатых штанах, и не рыжий, а абрикосовый, супер-пупер-породистый, с родословной, и все прадедушки и прабабушки – медалисты. Никита в глубине души посчитал его бестолковым. Может, просто из предубеждения к рафинированным породам, потому что сам всегда был согласен на любую дворняжку – но мама не разрешала. Собака пол поцарапает, мебель обдерет, шерсть везде будет...

Правда, когда Никита сообразил, что Арчи – Катин пес, то тут же почувствовал к нему больше симпатии, но Катя уже заметила его скептический взгляд и кинулась защищать:

– Пудели очень умные! Это люди сделали из них клоунов, а пудель – отличная рабочая собака. Когда мы первый раз привезли его на озеро и я кинула его резиновую черепаху, он сразу поплыл и принес – а ведь раньше никогда не плавал! И никто его не учил подавать с воды! Ты представь, через сколько поколений сохранился охотничий инстинкт, хотя их

уже давно не держат для охоты! Вот сейчас поедем на пляж, сам увидишь!

И Никита, еще не поехав на пляж, был согласен с тем, что Арчи – собака. А тот уже унесся с резиновой черепахой в зубах. Двоюродная сестра тоже не стала навязывать свое общество, и Никита потащился во двор.

Дядя Алексей, Перехватов-старший, уже сидел за рулем поместительной вишневой «десятки».

– Готовы? – спросил он.

– Тетя Вера говорит – да.

– Ну, значит, еще полчаса.

И дядя немного отъехал в тень. Стекла и сиденья сильно накалились. Никита обошел машину – она ему ужасно нравилась и волновала, как большое горячее животное, отдыхающее в тени. Он очень хотел сесть впереди, но почему-то не сажился и продолжал ходить вокруг.

Первым из подъезда вылетел Арчи, пронесся с завернутыми от скорости ушами и вскочил в распахнутую дверцу прямо на новенький, светло-серый летний чехол. В Никите что-то перевернулось, когда он увидел эти четыре лапы на сиденье: то ли материнская нетерпимость ко всяческим нарушениям порядка, то ли собственный страх перед возможным материнским гневом на собаку. Но ни дядя Алексей не пошевелился, ни подошедшая Катя не всполошилась, не цыкнула – и Никита предположил, что даже если тетя Вера наконец появится, она не станет гнать пуделя, и что пудель вообще всегда тут сидит.

Багажник заполнился сумками с провизией, а заднее стекло загородили мячами, ракетками, кепками, и дядя ворчал, что он не увидит дороги, и чтоб сейчас же все убрать.

На зеркале висели пластмассовые зайки, желтый и зеленый. Катя пояснила:

– Это мы с Алешкой на каком-то конкурсе выиграли, а папа как раз тогда машину купил, и мы сразу повесили, и они всегда с нами ездят.

Видимо, она посчитала себя обязанной заняться гостем,

раз уж брат не уделил ему внимания. Открыв бардачок, показала Никите красного бархатного мишку с черными ушками и лапками:

– Это мне Алешка подарил. Я была маленькая, лежала в больнице, и у меня был день рождения. И Алешка сам сделал мишку, видишь, он шить не умел и просто склеил. И глазки были приклеены, только они отвалились. Я тогда первый раз поняла, что Алешка меня любит, а до тех пор была уверена, что нет.

Никита не понял, к чему положительный отзыв об Алешке и почему мишка вошел в число путевых талисманов, но с Катей было так легко, спокойно.

Тут показалась Вера Васильевна еще с двумя сумками, с другой стороны налегке приближался Алешка. Никита опять забеспокоился. Пока он колебался, успеет ли вылезти и помочь, и не покажется ли его предложение помощи дурацким, потому что тетя Вера уже почти подошла к машине, Алешка оказался рядом с матерью и без напряжения перехватил ношу. Тогда Никита оказался в еще более дурацком положении, потому что сидел и глядел, как тетя надрывается – никто ничего не сказал, но ведь могли же подумать.

Тем временем Алексей Перехватов-младший привычно расположился впереди, хлопнул дверцей. Вот почему Никита не мог туда сесть – это место всегда было занято, даже когда отсутствовал хозяин. Внезапно кровь прихлынула к лицу: Никита представил, что он сел на переднее сиденье, и как пришлось бы его освободить. Кажется, его двоюродный братец не из тех, кто уступил бы свое место гостю.

Машина понеслась, и радость движения перебила все мысли. Тетя Вера ежесекундно указывала на каждый дорожный знак, на пешеходов, переходящих улицу, просила не обгонять большие машины, вскрикивала «ой, куда же ты» и повторяла: «тише, скорость убавь». А дядя говорил: «Я не маленький мальчик».

Справа и слева побежали сосны – поселок, куда они ехали, так и назывался – Сосновый Бор. Стекла опускались,

запахи бензина и нагретой резины мешались со смоляными и хвойными, и – неожиданный, совсем новый воздух большого озера. Никита высовывал голову, чтобы увидеть воду, мелькнувшую за зеленым рядом, но сосновый бор опять обегал ее – и опять мелькало голубое – и снова взгляд не успевал.

У причала, украшенного разноцветными флажками, дядя заглушил мотор и объявил с подъемом в голосе:

– Прибыли, господа, вытряхивайтесь, пожалуйста.

У Никиты разбежались глаза на катера и моторные лодки, приветливый пляж с лепными песочными городами, построенными у самой воды и похожими на творения Гауди. Казалось бы, куда уж красивей, но ему хотели показать какое-то «свое» место, и пришлось лезть в моторку. Никита никогда и ни на чем не плавал, и видел этот процесс только по телевизору.

Рамка берега качнулась и сместилась. Как при секундном замешательстве падения, части пространства поменялись местами. Причал начал быстро отходить вниз, словно бы моторка карабкалась на кручу, а перекошенный берег выравнивался, только под ногой качалось и вздрагивало, и руки вцеплялись в какой-то брезент. Они пересекали озеро, огромное, до горизонта. Алешка залихватски сидел за рулем.

Никита, невольно сжавшийся, когда выбрались на простор (зачем столько воды? куда так много? куда деваться?) понемногу расправлялся, чувство неуютности отступало, переходило в восторг – правда, с некоторым напряжением: вдруг не удастся понять, что же красивого в большой воде, понятного всем этим здешним. Родственники с их хохотом и разговорами ему не мешали, он привык и дома все время быть в центре внимания и автоматически отфильтровывать угощения, назидания или полезные советы. Он не слышал даже, как дядя пояснял Кате и Алеше: племянник, мол, степной житель, первый раз на воде, вот слегка и одурел – а те сочувственно кивали.

Наконец, они добрались. «Свое» место ничем не

отличалось от прочих других – такой же приветливый желтый берег, синяя вода. Нос моторки ощутимо ткнулся в подводный песок, и днище перестало дрожать. Никита долго передавал поклажу и, последним пробалансировав по вздыхающему борту, спрыгнул в прозрачную теплую водичку – по самые незакатанные колена бухнулся. И то что разуться догадался!

Перехватовы уже таскали хворост, разводили костер, расстилали бумажную скатерть, привычно разделив работу, а Никита нерешительно думал: идти туда в мокрых джинсах или избавиться от них прямо здесь. Наконец закинул их вместе с рубашкой в моторку и, повеселев от облегчения, пошлепал по мокрой песчаной полосе. Катя тоже шла вдоль воды, пристально всматриваясь в крутые песчаные откосы с зарослями, на вид непроходимыми и даже колючими.

– Вы часто сюда приезжаете? – спросил Никита, чтобы что-то сказать. – Ты что ищешь?

– Не особенно, – ответила Катя отрывисто, пропустив второй вопрос, и Никита почему-то понял, что она имела в виду: в его семье взрослые тоже всегда заняты, и они тоже не часто куда-нибудь выбираются. А дядя Алексей и вообще – директор какого-то научного предприятия, работающего на космос, у него, наверное, совсем времени нет. И тетя Вера – не домохозяйка, надо думать, тоже на работе пропадает...

Вверх, в лесок поднималась тропинка. Катя вдруг быстро полезла по ней, и Никита увидел дощатый столик, врытый в землю, и такую же серую старую скамейку.

– Ты знаешь, – вдруг начала Катя и запнулась: говорить – не говорить. – Ты себя помнишь маленьким?

Она присела, не на скамейку, а рядом, на траву.

– Конечно. Много всего...

– А что самое-самое первое?

Никита начал вспоминать и не знал, на чем остановиться.

– Вот я тоже не знала, что, – продолжала Катя быстро. – То привидится угол песочницы, синее ведро в белую клетку, то медицинский кабинет и доктор с какими-то железками,

стеклянными трубками, а меня держат на руках – страх, обреченность, невозможно объяснить. То всплывет наш диван с прежней обивкой и стена перед ним, светло-зеленая, крашенная, еще без обоев. В общем, всё мешается, кажется: то одно раньше было, то другое... и неизвестно, с чего же все началось. И среди всего этого, – Катя с трудом подбирала слова, – как картинка: вот такой день, солнце, вот этот столик, и мы с мамой сидим среди зеленых веток на скамейке, и мама кормит меня вареным яйцом, а желток крошится, и крошки падают на серые доски. А ветки и вверху, и внизу, зелень уступами, и сквозь ветки – блестит озеро, и у берега качается такая же моторка. И я совсем маленькая, и будто я сижу с мамой посередине, а все остальное – и деревья, и озеро – загибается вокруг, как края тарелки. Как бывает рисунок на детской тарелке... И что вот это – и есть самое первое.

– И ты пошла искать, есть ли правда этот столик? – изумился Никита. – И он нашелся?! А ты думала, что это, может, показалось?

– Я знала, что он есть, только не знала, что найду, – сказала Катя уже спокойно. – Мы всегда тут бываем, но раньше как-то не приходило в голову.

Затрещали ветки, и она замолчала, покраснев, и Никита видел, как она незаметно косится по сторонам. Он догадался: Алешка может поблизости бродить, и Катя представила, что их разговор дойдет до его ушей, и то, что ей казалось самым важным, тут же обернулось постыдной чепухой, материалом для насмешек. Но тревога оказалась ложной, вокруг никого не было, и Катя заговорила свободно:

– И вдруг тот самый столик – впереди, прямо передо мной! – И засмеялась: – А я всегда думала, что память – это то, что позади.

Они сели на край столика, болтали ногами и были довольны друг другом.

– И это в самом деле первое? – спрашивал Никита, уже и не вспоминая о том, что ему положено быть в мужском обществе.

– А кто его знает, – весело махнула Катя рукой, – опять перепуталось всё. Может, доктор первый. А знаешь, я рада, что в этом кадре я с мамой. Она так редко со мной бывала, всё на работе, на работе. Мама для меня очень много значит.

Никита подумал, что вдруг она сейчас спросит «а для тебя?» – и придется промямлить «тоже» из вежливости, и неожиданно отметил, что свою мать привык ощущать как постоянное препятствие: сначала – его детским желаниям, теперь – теперешним, она существовала, словно внешний и внутренний контроль, который он всегда хотел миновать.

– А вот когда читаешь, – говорила Катя, – во всех книжках главный герой – сирота. – Она хотела привести пример, но не стала терять время: – Да какую ни возьми, сам вспомнишь. Особенно героини всегда сиротки. Мать обычно умирает в раннем детстве, или потом, или, в крайнем случае, она так далеко, что ни на что не повлияет...

– Ну, это чтобы жальче было, – попытался Никита, – чтобы сразу сочувствие, симпатия...

– А ты представь, если бы матери сидели рядом! Писателям просто нечего было бы писать, потому что герои шагу бы ступить не могли. Гарри Поттер не шлялся бы ночью по городу, Вера не бегала на обрыв, и никакая Настенька не разгуливала даже в белые ночи. Мать – не бабушка. И морально все были бы больше связаны. Человек действительно свободен, когда он один и его никто не направляет. Вот писатели и превозносят материнскую любовь, а с самой матерью предпочитают покончить в самом начале, чтобы хоть центральная фигура могла самостоятельно передвигаться и принимать решения...

– А еще матери перепутываются, теряются и в нужный момент находятся, – весело проговорил Алешка, словно выросший среди веток.

– Чего тебе здесь? – вскинулась Катя.

– Шашлык пойдем есть. Это вы о мексиканском «мысле»?

– Нет, – ответил Никита, потому что Катя молчала.

– А я думал – о мексиканском «мысле». Пойдем шашлык есть.

– Я его когда-нибудь убью, – негромко сказала Катя Никите, шагая вниз по тропинке.

– Ладно тебе.

– Ты что, не видишь – он считает нас идиотами?

– Конец железной Катериной выдержке! – провозгласил Алешка, не оборачиваясь, и объявил сидящим на бревнышках родителям: – Нашел! Философствовала с братом по разуму.

– А мы вас везде искали! – И тетя Вера начала за ними ухаживать. Катя молча взяла свой шашлык. – Я подумала – может, Никитушка на водных лыжах хочет прокатиться? Вот только вы сейчас уже наелись...

– А что нам сделается? – бодро отозвался дядя, утративший на вольном воздухе свою обычную отстраненность. – Прокатимся – еще поедим. Никита, пойдешь?

– Я не пробовал.

– Вот и попробуешь!

– Я, может, сначала посмотрю? – Никита не знал, как бы повежливей отвязаться от дяди с его лыжами.

– А ты не видел, что ли? – удивилась Катя, забыв, что кузен – степной житель.

– По телевизору, в «Ну, погоди», – огрызнулся Никита: ему совсем не улыбалось обучаться новому виду спорта на глазах у всего пляжа.

– Говорят, здорово. Я не пробовала. Боюсь.

– Я тоже, – проворчал Никита, но Катя засмеялась, словно шутке, и Никита с удивлением отметил, что она его не поняла – и что, кажется, придется быть сильным и ловким в незнакомой среде.

Перехватов-старший тем временем летел на присогнутых ногах по поверхности воды, трос был не виден, и он словно гнался, вытянув руки, за убегающей моторкой. Никита не смог удержать улыбку, а когда моторка, сделав круг,

вернулась к берегу, и дядя кверху лыжами бултыхнулся в воду, невольно засмеялся.

– Предвкушаем удовольствие? – осведомился Алешка из моторки. – Сейчас ты? Ладно, я следующий.

– Ну, все понял? – спрашивал дядя, помогая Никите обуться. – Главное – суметь выйти из воды. Алексей, полегче заводи!

Никита так и не вышел. Хоть Алешка и заводил моторку полегоньку, Никита или ехал за ней на животе, вцепившись в трос, или, немного поднявшись, сразу выпускал его и уходил с головой под воду. Нахлебавшись, он с единственной мыслью «больше не хочу» выбрался на песок.

– Немного погреюсь, – сказал он ненатуральным голосом и улегся на спину – это было тем удобно, что позволяло зажмуриться и ни на кого не глядеть.

Но не глядеть он не мог, а брат и сестра Перехватовы не выражали никакого удивления «как это ты?», они не надрывались от хохота, не переглядывались, не сочувствовали. Алешка надевал лыжи, сидя на корме моторки, а Катя говорила:

– Ты лучше его слушай, чем папу, папа объяснять совсем не умеет, а Алешка хорошо катается и объясняет лучше.

Никита приподнял плечи с песка и поглядел на Алешку – тот что-то говорил ему с воды, пришлось встать и подойти ближе. Алешка, не торопясь, давал какие-то пояснения, мотор затарахтел, он красиво поднялся – ноги у него не подгибались и не разъезжались – и укатил на своих твердых ногах.

– Там еще шашлыки, – учуяла Катя. – Пойду.

Алексей, сделав круг, тоже побежал перекусить, а Никита каторжник побрел в воду. Трос натянулся, вытягивая его на поверхность, и он вдруг почувствовал себя летящим наполовину по воздуху. Никита сначала даже не радовался, потому что напряженно старался сохранять равновесие, но дядя долго таскал его по озеру, и он успел и привыкнуть, и порадоваться, и приусть.

– Всё, теперь закусим, – сказал Алексей Иванович, выбираясь из катера, и Никита, повозившись с лыжами, победителем пошел к костру. Уселся на бревнышко, взял остывший шампур – рука изнутри приятно дрожала.

Но вот разочарование – брат с сестрой ничего не сказали насчет его успеха на воде. Никита ждал, поглядывая на обоих, пока не понял, что они не придавали этому никакого значения, так же, как сначала – неукладу. Для них это было обычное дело – Катя и не сомневалась, что он научится тому, что умели все мужчины в ее семье и окружении.

Никита с улыбкой вспоминал, как она пыталась кормить Арчи шашлыком, но мясо с уксусом и перцем ему не нравилось, ни жареное, ни сырое, а собачий корм забыли, и Катя расстроилась: «остался голодным!». Как незаметно летели потом дачные деньки, с прохладно-лесным запахом в доме, немного фанерным и немного опилочным, с бадминтоном и теннисом на вытоптанной поляне, с гигантскими качелями между двух сосен, с болтовней за полночь в беседке, на которую сыпался постоянный хвойный дождик и изредка падала шишка, отскакивая, как мяч...

Сейчас на озере наверняка лед – не искупаешься, если ты не морж. И дача, должно быть, утонула в снегу. Неважно! Главное, впереди – две недели каникул, и он опять поедет к Перехватовым! Мама уже созвонилась с тетей Верой. «Конечно, дети так подружились, а Никитушка такой нелюдимый, пускай побольше общаются!»

Глава 5

А как же я? Малыш, ведь я же лучше!

(М/ф «Малыш и Карлсон»)

Общаться, как летом, почему-то никак не получалось. Алексей просто не появлялся – но они с Никитой и раньше почти не разговаривали, а вот Катя была вся в делах и

постоянно ускользала – непривычно зимняя, не в шортах и майке, а в джинсах и ковбойской рубашке в красно-синюю клетку, всегда такая аккуратная, с неприступно-прямыми плечами.

Может, не хватало дачной романтики?

Но в городской квартире Перехватовых было не хуже, чем на даче. И тетя Вера со своим стилем жизни совершенно та же самая: куда бы она ни входила, влетало ощущение праздника, хотя не было ни пения, ни музыки, ни прочих атрибутов, а, напротив, всем раздавались разнообразнейшие задания, и жизнь не просто кипела, а бурлила, похожая на подготовку к чему-то огромному – что будоражило больше, чем любое торжество. Не могло быть в мире существа, которому Вера Васильевна тут же не нашла бы подходящей работы.

Сколько дел переделал Никита, о способностях к которым он и не подозревал! Если летом ему поручали клеить пакетики из бумаги и наполнять их сушеной полынью – это годилось для моли, или собирать вместе с Катей ягоды – приятное занятие, или заливать керосином лампы, когда отключали электричество, то сейчас тетя Вера выдала племяннику метровую линейку и скользкий тяжелый рулон кальки. Это было достаточно сложно – перевести выкройку с журнального разворота, где перепутано множество всяких линий.

– А у меня терпения не хватает, – сказала Катя, – разбирать эти пунктиры. Мама меня уже пыталась припрячь – но поняла, что бесполезно.

Сама она, включив магнитофон на полную громкость, в двадцать пятый раз слушала любимый «Двадцать пятый этаж» и раскрывала картонные коробки с елочными игрушками, которые Алешка все-таки вытащил из кладовки. Живая пахучая елочка стояла тут же, в прихожей.

У Перехватовых была очень большая прихожая, которую еще называли комнатой Арчи, потому что там стояло кресло, в котором спал Арчи (к чему Никита никак не мог

привыкнуть – у них дома даже людям не позволялось залезать с ногами на диван), а еще другие кресла, книжные полки до потолка и телевизор, по которому сейчас шел мультфильм «Двенадцать месяцев». Но магнитофон его прекрывал:

*Привет тебе, мой третий Рим,
Твой одинокий пилигрим
Вернулся в город детства в поисках огня,
На перекрестке всех времен,
Июльским ветром окрылен,
Дождями летними встречай, встречай меня!*

На круглом столе, превращенном в овал более темной раскладной серединкой, сейчас громоздилась швейная машинка той же эпохи, что и стол, клубились из коробок и пакетов кружева и нитки, какие-то резинки, тесьма – чтобы все это смотать и разобрать, казалось, потребуется вечность, и охапками лежали журналы мод, новые блестящие и старые, без начала и конца. Среди этого развала попался и лоскуток, явно от Катиной ковбойки: красные и синие полосы на пересечении образовывали квадраты, где глаз ясно видел, как сплетаются те и другие нити – в смешанный цвет. Никита раньше не замечал таких вещей, но сейчас глаза глядели по-особенному...

Тетя Вера, прибегая с работы, кидалась то на кухню – гостя надо повкуснее накормить, то к своей машинке: шитьё ее якобы успокаивает. Никита чертил на том же столе, втягивая ноздрями новизну этого женского царства. Его мать тоже наряжалась и шила, но такого шквала действий он не видал, дома всё всегда было на своих местах, в специальных коробочках...

А у Перехватовых даже специальные коробки оказывались с сюрпризами. Катя раскрыла очередную...

– Это еще что? Вот это да!

Вместо елочных игрушек в коробке оказались книги, купленные, по-видимому, родителями еще во времена их

молодости, в шестидесятые и семидесятые годы. Разрозненные тома Золя в позолоченном переплете, Чехов, несколько книжек серии ЖЗЛ, альбом «Дрезденская галерея», «Путешествие в поэзию». Никита подошел посмотреть, но Катя, не особенно обращая на него внимание, увлеченно рылась: настоящие археологические раскопки! Под книжками обнаружился альбом с черно-белыми фотографиями с зубчиками по краям, где мама – надо же, было такое! – еще без папы, а из альбома высыпались почтовые открытки, надписанные не шариковой, а чернильной ручкой, с чудесными картинками, каких теперь и не рисуют. А что это на самом дне? Константин Федин, «Необыкновенное лето», огромный, как энциклопедия, и совсем уж исторический, со старинной орфографией – всякими «итти», «шол» и «чорт» через «о»...

– Ты откуда эти реликвии вытащил?!

Никита оглянулся – на пороге Алешка. Церемонно поклонился родственнику, подошел, не раздеваясь:

– Да оттуда же, с верхней полки. Нашли, куда елочные игрушки упрятать! Я в том году еще хотел их вниз поставить – так мама говорит: а вдруг на них сверху что-то упадет. Я говорю: а вдруг они сами сверху упадут – но дешевле оказалось запихнуть, куда она сказала, чем переспорить... Ого, какие книженции! То-то я тещу и думаю: что же это за игрушки, прямо кирпичи какие-то. Кать, да выключи ты эти «Корни»! Сколько можно их слушать? Хоть звук убавь!

Тон у него был все такой же иронично-снисходительный, он все так же играл бровями, передергивал плечами, задирает нос и изображал из себя делового – и все так же не замечал Никиту. Сновал по комнате и зачем-то рылся во всех полках, включая шкафчик для обуви.

– Кать, где мой «Винстон»? Мама, похоже, реквизировала новую пачку. Не выкинула же она ее? Где-нибудь спрятала. Ну, ты же знаешь, где?

На Катю его превосходство не действовало, звук она не убавила и продолжала протирать елочные игрушки и надевать

их на свежие ниточки. Ответила не глядя:

– Нигде.

– Ну-у, – укоризненно протянул Алешка, и Катю, как всегда, перевернуло от его «отеческого» тона – но непроницаемость, наработанная в детские годы, скрыла это и от Никиты. – С мамочкой стакнулась, да? Помогает папироски прятать? – понимающе продолжал Алексей. Ничто не могло его раздражить, никакие ребяческие глупости, он был только слегка насмешлив и непомерно снисходителен – а Катя готова была глупо вскипеть и чем-нибудь в него запустить за один звук его голоса.

– А мы и сами все сейчас найдем!

Алексей цепким взглядом окинул книжные ряды, потянулся к полкам и, обернувшись, подмигнул Никите. И Никита с бешеным стыдом почувствовал, что сию секунду приниженно и радостно продал бы душу за его свойский жест. Только сначала была угодливая радость, а потом уж бешеный стыд.

Алексей, как ни в чем не бывало, оттягивал несколько книжек за верх корешков – словно на резинке – и, взглянув во внутреннее пространство за ними, с легким щелчком отправлял назад, тут же отщелкивая новую партию.

– Не прятала там мама, – сказала Катя.

– Пря-ятала, – уверенно пропел Алексей и извлек нераспечатанную пачку. Спокойно распечатал, тут же красиво закурил и любезно предложил сначала Никите, потом: – Катька, не научилась?

Катя дернула плечом и язвительно повторила:

– Не научилась.

– А что, где-то училась?

Он сидел на краешке стола, вполоборота, почти спиной к Никите, смотрел по-доброму, а в глазах плясали внимательные чертики. Губы Кати против воли поползли в улыбку.

– В школе в туалете, – сказала она. – Кондакова принесла пачку «Кэмела», мы дверь заперли шваброй и все

пробовали. В прошлом году еще. Мне не понравилось.

Алешка смеялся, но необидно. Он побольше повернулся к Никите и начал с хохотом рассказывать, как сам обучался в школьном туалете – словно это было лет сорок назад. Было очень приятно сидеть тесной компанией и разговаривать обо всяких всем близких вещах – но вот Алексей легко поднялся, небрежно сказал «ну пока» и пошел. Кажется, опять на эту свою работу. Он как будто еще пропел себе под нос «пока, детишки, читайте книжки» – но, может быть, этого и не было.

Снова повисло молчание. Катя переставила кассету в плеер и, слушая песню и думая о своем, не заговаривала и, казалось, могла молчать сколько угодно. Никите было не по себе: по его внутреннему представлению порядка люди, находясь в одной комнате, должны время от времени что-нибудь произносить. Он отложил линейку и присел к книжной коробке.

– Люблю Чехова, – сказал он, кивнув на обложку и более надеясь произвести хорошее впечатление, чем показаться умным.

Катя помрачнела.

– А я не люблю. У меня от него начинается такая серая тоска, что непонятно, почему люди не вешаются.

– А веселые рассказы, – начал было Никита, но Катя отрезала:

– Терпеть не могу веселые рассказы. Я даже цирк терпеть не могу – я там все детство протрадала, пока меня туда водили. Кроме зверей, конечно, зверей я всегда любила, пока не начала жалеть больше клоунов.

Никита растерялся:

– При чем здесь цирк... – но Катя безразлично согласилась:

– Конечно, ни при чем. – И добавила: – Алешка любит Чехова за веселые рассказы.

И пока Никита соображал, приятно ему совпадение или неприятно, Катя исчезла, бросив елочно-игрушечные дела.

Кажется, лето ушло невозвратно, и придется знакомиться заново и заново искать общий язык.

Он нашел Катю в Алешкиной комнате, у компьютера. Уже поняв, что сейчас не до него, безнадежно спросил:

– Работаете? – хотя прекрасно видел, что она с кем-то общается в чате.

– Да нет, в сетке сижу. – Катя отвечала, не отрывая глаз от экрана. – Я вообще компьютера боюсь. Умею только включить, выключить – и еще в городскую сеть войти.

– И что там у вас? – не отставал Никита. – Просто треплются, кто о чем?

– Ну да... Я вообще-то с одним челом познакомилась. Мы с ним обычно разговариваем в это время. – И совсем уж недвусмысленно: – Да ты не отвлекайся, черти свою выкройку.

Никите показалось, что она взглянула на него сожалеюще, и это было чем-то похоже на взгляд Алексея.

И что за чел такой – он спрашивать, конечно, не стал.

Глава 6

*Не верьте ему! Это Глот с планеты
Катрук!*

(М/ф «Тайна третьей планеты»)

– Что же вы не выйдете погулять? – удивился Алексей Иванович, заехавший домой на обед. Катя вырезала снежинки, Никита, стоя на табуретке, надевал на елку макушку. – Такая погода замечательная, солнышко, морозец легкий – одно удовольствие! Катя, ты бы город Никите показала. Если бы у меня были каникулы, я ни за что бы дома не сидел.

То же самое он еще утром говорил. Причем в тех же выражениях. Кате, если честно, уже осточертела преувеличенная забота родителей о племяннике. Ладно летом, когда он первый раз приезжал – внимание к гостю и все такое, и правда надо было помочь ему освоиться. Но сейчас-то чего

так опекать! За ее счет, главное! Все брось – и иди город показывать! Она, может, и сама собиралась – что же так напирать-то! И если бы только мама! От папы, с его убежденностью, что детей надо воспитывать по-спартански, не баловать и не сюсюкать, она никак этого не ожидала!

Конечно, Никита не виноват, что взрослые так с ним носятся, и Катя прекрасно видела, что он посматривает на нее с надеждой – понятное дело, скучно все время торчать дома. Хоть бы Алешка брал его иногда в свою компанию, к мальчишкам! А то ему ничего не остается, как только ходить за ней хвостом. Конечно, с ним неплохо, он спокойный, неназойливый, и вообще, гостю надо-таки уделять внимание – но не всё же свое время ему уделять. Книжку, что ли, какую-нибудь подсунуть? А родители наверняка собрались засесть на кухне с разговорами – недаром их гулять выпроваживают...

– Нет уж, я хочу елку до конца нарядить, – твердо сказала Катя.

Она рассматривала белую стеклянную собачку с красным бантиком на шее – на лапке у нее давно была дыра, а теперь и хвостик отбился. А у золотой космической ракеты золото облезло в нескольких местах. Заколебалась: вешать их или уж не надо? Это самые старые игрушки, из эпохи родительской молодости, намного старше и ее, и Алешки. Неужели когда-нибудь они совсем разобьются?

– Может, их на самый верх? – подсказал Никита. – Они старенькие, но интересные такие. И потом, будет же год собаки... И лучше не на ниточки повесить, а на скрепки, так надежней. Жалко будет, если кокнем.

И, разогнув скрепку, показал новый способ. Красивые здесь елочки, настоящие еловые, с тоненькими хрупкими ветками – легко украшать. А дома он привык к сосновым, они тоже красивые, но другие – лапы у них пышные, пушистые, с длинными иголками...

– Отлично, – оценила Катя. – Я и не знала, что так можно. – Она была рада, что есть законный повод не просто оставить подбитую собачку в строю, но и поместить ее на

почетное место. Никита молодец, соображает! – Я эту собачку больше всех люблю – не то что всякие тупые шары... Знаешь что? Сейчас пойдем смотреть город. Я только в чат загляну. – Заметила, как тает оживленное выражение на лице Никиты: – Да это же пять минут! Можешь пока пообедать.

Но Никита есть не хотел и включил телевизор. Пощелкал – опять зимние мультики, их сейчас без конца показывают, на одном канале – «Каникулы в Простоквашино», на другом – «Снежная королева», а вот снова «Двенадцать месяцев»...

Хорошо, что тетя Вера никогда не бегаёт с ружьем, собирая всех к столу. Не хочется есть – не являйся. Потом можно перекусить, когда захочется. А дома иногда кажется, что не еда для людей – а наоборот, и плохой аппетит – верное средство разбить маме сердце. Правда, у тети Веры иногда бывает виноватый вид – из-за того, что она вынуждена убегать на работу и не может посвятить ему побольше времени. Жаль, нельзя напрямую сказать, что он всегда чувствовал себя счастливым не когда взрослые посвящали ему свое время, а когда забывали о нем и оставляли в покое! Это выглядит почти неприлично – но это не значит, что он их не любит и не ценит.

Арчи ушел вместе с Катей, и Никита разместился в его кресле, наслаждаясь отсутствием формального порядка: стулья и кресла разбежались, вместо того чтобы чинно стоять на местах, книжки и газеты повылезали с полок – их читают. Все вещи живые и всё время в действии. Даже громоздкой сервизной супнице, из тех, что обычно никак не используются, потому что редко кто наливает в них суп, здесь нашли применение: проголодавшись, в ней всегда можно обнаружить пирожки или оладьи. Неживым и бездействующим было, пожалуй, только пианино в Катиной комнате – по крайней мере, при Никите его еще не открывали, и оно молча служило подставкой для вазы, мягких игрушек, будильника и горы книг и журналов.

На Катином подоконнике – тоже книги вперемежку, «надкусанные»: «Война и мир» обложкой вверх, раскрытая на

середине, в Цветаеву вместо закладки засунут карандаш. А это что? Гарри Поттер номер шесть. Никита скептически повертел его в руках – он и предыдущих не читал, наперед посчитав волшебную эпопею никчемной. Катя всё не шла. Никита заскучал – на Катю его склонность к одиночеству не распространялась, наоборот, он был бы рад, если бы она всегда была рядом и никуда не исчезала. Пробежал страничку, углубился...

... – Не сердись, так получилось! – подошедшая Катя виновато смотрела на стрелки, обежавшие почти целый час. И прибавила с жаром, уже не в силах секретничать: – Ты знаешь, он – студент, программист, с ним так интересно, так здорово! Он мне столько ценного подсказал по компу – я же чайник... Но я это только тебе говорю, а ты никому, ладно? Я сама пока только его ник знаю, Isa.

Впечатления ее переполняли, и довольно скрытная Катя сама не понимала, почему ей так хочется с кем-то поделиться – но не с кем попало, ни одна из подружек тут не подходила, у всех были слишком длинные языки. Хорошо, что рядом Никита: он как Арчи – всё понимает и никому не скажет.

В Никите смешались в равных пропорциях благодарность Кате за доверие – почти прежнее – и злость на студента, не будь которого, они бы могли уже целый час гулять. Причем злость на глазах начала раздуваться. Никита напряженно слушал Катю, сам удивляясь, чего вдруг так ощетинился, но тут из кухни выглянула Вера Васильевна и без обиняков велела дочери:

– Идите-ка на свежий воздух! Хватит в духоте сидеть.

Катя фыркнула, дернув плечом: конечно, им с папой надо обсудить свои военные тайны, а с маминым-то голосом это всегда получается на полную громкость – боятся Никитушку смутить.

– Слушай, а пошли на каток! У нас рядом с гимназией залили. По пути весь Белогорск увидишь. Ты как, катаешься?

– Давай, – обрадовался Никита. Наконец-то он мог себя показать, не то что тогда, на дурацких водных лыжах – на

фигурное катание его водили с четырех лет, и на льду он держался уверенно. – А коньки как же? Ну и что этот твой программист?

– Алешкины возьми... А я, представляешь, не догадалась написать, что я тоже студентка. А ведь могла бы! Мы же собираемся встретиться! Так бы солиднее было. Ведь я же тяну на студентку, правда?

Это щебетанье почему-то окончательно вывело Никиту из себя.

– Ты только не строй всерьез всякие планы, – очень сдержанно посоветовал он. – Ты ведь, кроме ника, ничего о нем не знаешь. В сети столько приколов бывает. Может, это компания какая-нибудь развлекается – такого сколько угодно случается.

Он хотел рассказать примеры, но Катя обиделась:

– Я что, отличить не могу, что ли, приколистов от нормального человека?

По улице они шли молча. Катя ничего не комментировала, предоставляя Никите самому определять, что вот это у них парк, а это магазины, а это площадь с елкой – и так далее.

Глава 7

Безобразие. Ну, что у нас плохо?

(М/ф «Тайна третьей планеты»)

– Ну что, ушли дети? – Мама выглянула в Арчину комнату, убедилась. – Наконец-то. Развеются немного. Катюшка все эти дни берет огонь на себя, развлекает гостя, и я вижу, ей это уже поднадоело. Как бы она ему прямо не высказала – у нее ведь не задержится. Молчит-молчит – а потом выдаст. Помнишь, как она резко соску бросила? В общем, пора нам на подхват – мальчишка такой лучезарный, не погасить бы. А вспомни, какой летом приезжал – мрачный,

замкнутый, просто маленький старичок. Еле его из самого себя вытащили! В общем, я билеты в «Новую оперу» взяла, но это после Нового года. Зоопарк, как думаешь, пойдет – или уже нет? – Перехватов-старший проговорил, что зоопарк всегда пойдет, и он сам с удовольствием. – А если плохая погода, заменим Дарвиновским музеем – наши его любят, а Никита там, кажется, еще и не был. Там полдня можно ходить. А вот до Нового года...

– А до Нового года пусть Алеша подключается! – Алексей Иванович уже стоял на пороге. – Странно, что мальчики совсем не общаются. Алеша от Никиты и летом все бегал... Или он в институте сильно занят? Тебя подвезти?

Вера Васильевна, помрачнев, достала ключ и заперла дверь: с рядовой безопасной темы, как развлекать племянника, разговор все-таки перескочил на тему болезненную. Об Алешке она и сама собиралась поговорить, но не наспех, не на пороге и уж, конечно, не на лестнице – но времени не хватило. А теперь, кажется, придется на лестнице – надо же держать мужа в курсе.

– В «Белогорских вестях» он сильно занят, – проговорила она, спускаясь, неестественно тихим голосом. – Всё то же самое. В институте пока сдвигов – никаких. Все время *там* пропадает. И теперь понятно, почему – я узнала, наконец, кто эта женщина! Далеко искать не надо! – И на вопросительный взгляд Алексея Ивановича Вера Васильевна тоже взглядом выразительно показала на соседскую дверь, мимо которой они проходили. – Сноха Голубевых, хозяйка этой рекламной газетенки! Могли бы сами догадаться. Об этом уже все говорят!

– Да ты что! – взвился Перехватов. – Голубева-сына жена?!

– Тихо! – цыкнула Вера Васильевна. – А всегда говорят, что я кричу...

Но Алексей Иванович не унимался и уже в машине, в безопасном пространстве, где не могли услышать посторонние, продолжал возмущаться в полный голос:

– Мальчишка! Что творит! Голубевы – честнейшие, порядочные люди, каких поискать! Всю жизнь – в одном подъезде! Всю жизнь – в одном институте! Да как я с ними здороваться буду?! Их сын – и этот желторотый, куда лезет! На посмешище меня?! Отношения со всеми перепортить?!

– Тихо! – скомандовала Вера Васильевна. – На светофор смотри! Да шут с ними, с отношениями – с Алешкой-то что делать? Еще раз попробовать поговорить?

– А что тут можно сделать? – Алексей Иванович начал утихать. – В угол поставить? Конфетки лишить? Он уже сейчас неплохо зарабатывает, а завтра вообще не будет зависеть от нашего кошелька – и нужны мы со своими душеспасительными беседами и полезными советами? Что воспитали – то воспитали!

– Значит – пусть гибнет? – не поверила Вера Васильевна, наоборот, возвышая голос. – А мы – сидим и глядим?!

– Что бы мы ни сделали – будет только хуже, – философски произнес Алексей Иванович. – Ты вот раньше думала, самое ужасное – это то, что мальчик шапочку зимой не надевает или курит потихоньку. А оказалось, что-то посерьезней может быть. Но от нас тут ничего не зависит! Бесполезно говорить влюбленному мальчишке, что он влюблен не в ту женщину. Да он это просто не воспримет! И будет только оскорблен, что влезли чуть ли не с ногами на его запретную территорию! И еще больше от нас закроется! Это, что ли, нам нужно? Вера, пусть звучит ужасно, но мне кажется, что это надо просто переждать, как плохую погоду.

Но Вера Васильевна не могла себя представить переживающей и бездействующей. Для нее, взрывной и энергичной, любое выжидание было искусственным затягиванием ситуации, с которой всегда можно быстро и четко справиться, надо только «поговорить и всё выяснить». Если у детей были проблемы со здоровьем, она шла и говорила с врачом, если трудности в школе – с учительницей. И всегда это давало нужный эффект, правильное решение

каждый раз находилось. А что могло бы быть, если бы она всё затягивала, ждала у моря погоды?!

– В конце концов, – развивал мысль Перехватов-старший, – жену Голубева мы оба знаем, она женщина умная. Не думаю, чтобы ей нужен был сопливый мальчишка – семья у них дружная, загляденье. Это просто нелепица какая-то, от начала и до конца...

– Откуда нам знать – нужен или не нужен, – нетерпеливо перебила Вера Васильевна. – А вдруг нужен? Что тогда? Я подумала – а может быть, нам с ней поговорить и все выяснить?

Если бы не надо было держаться за руль, Алексей Иванович схватился бы за голову.

– Вера! Ну, о чем ты говоришь! Еще не всё пропало – а ты сама хочешь всё испортить!

Но Вера Васильевна не сдавалась.

– Вот ты даже уроки детям никогда не помогал учить – они всегда должны были все делать сами! Справляться с трудностями, дорогу в жизнь прокладывать самостоятельно – вот он и проложил! И нашел эту женщину! А я говорила тебе, когда он искал работу, – прими участие! Ну, что тебе стоило взять его в какой-нибудь свой отдел? Все нормальные отцы так делают! Опозорил бы он тебя, что ли? Мальчишка головастый, энергичный... Будь он под присмотром, ничего бы не случилось! И только не надо про детей миллионеров, которые с мытья посуды начинают!

Но Алексей Иванович уже горячо говорил о детях миллионеров, о невмешательстве в личную жизнь и о материнской юбке, под которую невозможно вечно прятать детей, и остановился только вместе с машиной – у Белогорского института, где работала Вера Васильевна. Сам подытожил:

– Ну, это всё эмоции. А что теперь делать...

– Да, что делать? – подхватила Вера Васильевна.

– Ничего не делать.

«И это самое трудное», – подумал Перехватов-старший,

взглянув в лицо жены.

Глава 8

*Разбудить, одеть, умыть и накормить, и
вывести гулять.*

(М/ф «Осьминожки»)

Долго гулять по городу не пришлось: Катя увидела автобус и запрыгнула в него. Никите пришлось лезть следом.

– Садись, нам три остановки, – Катя потянула его за руку, и Никита шлепнулся на сиденье.

Она продолжала молчать, и Никита смотрел то в окно, на пробегавшие девятиэтажки-подковки, то в салон, на сидящую напротив старушку, согнутую пополам. Кондуктора не было, и деньги на билет передавали водителю. Катя безмятежно ехала зайцем, а вот старушка шамкающим голосом говорила всем входящим: «Мне на сдачу десяточку» – и опускала десятки и мелочь в карман, а пассажиры терпеливо ждали свои билеты. Автобус шел через весь город, людей набивалось все больше, и карман старушки все веселей бренчал при каждом повороте. «Вот мошенница», – зашептала Катя, уже забыв, что братец ее рассердил. Они начали прикидывать, сколько денег присваивает старушка, и подсчеты продолжались до самого конца.

Возле гимназии вышли и они, и старушка со своим уловом.

Примостившись на скамеечке, Катя медленно затягивала шнуровку на высоких белых ботинках фигурных коньков. Но, против ее опасений, Никита, поджидая ее, катался, и неплохо – непринужденно-отточенные повороты выдавали приличную практику. Да он тут, пожалуй, лучше всех на льду держится!

– Ты, кажется, в спортивную секцию ходил? – вспомнила Катя, подъезжая к нему.

– Мама водила, – уточнил Никита принудительность этого факта.

Слушая живописное юмористическое повествование – о маме, млеющей перед телевизором с показательными выступлениями фигуристов, и о его собственных мучениях, ранних подъемах, разъезжающихся ногах, шишках – Катя от души смеялась. А он умеет рассказывать! И, взяв брата под руку и неторопливо поехав с ним по кругу, поведала о собственном подневольном хождении в музыкальную школу.

– А у моей мамы была своя фишка – благородная девица за фортепьянами! Она всю жизнь мечтала учиться музыке, а отдуваться пришлось мне.

– Неживое пианино? – вспомнил Никита

– Абсолютный склеп, – подтвердила Катя. – Иногда даже жалко его. Стоит, молчит, рассыхается. И ведь сколько денег за него отвалено! Сколько книг можно было купить! Или всяких штук для собаки... А тогда я так страдала, и никто меня не жалел! Специальность была три раза в неделю, и три раза в неделю я просыпалась в горе, что вот пропал день. После школы все нормальные люди шли играть или гулять, а я тащилась в музыкалку! Тебе хоть повезло, когда вырос, стал тяжеловат для льда, и тебя забраковали. А у меня всю жизнь этот чертов слух и эти музыкальные пальцы! – Она растопырила руку в перчатке.

– Как ты только саму музыку не возненавидела, – посочувствовал Никита, вспомнив постоянный Катин магнитофон или плеер – сам он даже по телевизору никогда не смотрел спортивные передачи. И, кажется, только сейчас, катаясь с Катей, первый раз в жизни ощутил, что коньки – совсем неплохо.

– А у меня была такая учительница замечательная – Ирина Владимировна, – оживилась Катя. – Я в нее тогда просто влюблена была! Молодая, сразу после училища, и красавица, и, главное, понимала, что я тупею от всех этих гамм и этюдов. И задавала, представляешь, картинки рисовать к пьескам – ну, как я вижу эту музыку, и истории

придумывать. И я дома скорей отбарабаню, а потом рисую, рисую, и сочиняю заодно. Так здорово! А иногда на уроке она сама садилась за пианино и играла так, как мне никогда в жизни не сыграть, и увлекалась, и всё играла, играла – а я слушала, и понимала, что день не пропал, и что я люблю Ирину Владимировну, и люблю музыку. Вот и не возненавидела! Жалко, она потом совсем ушла из школы, чем-то другим занялась вроде бизнеса. Но я музыкалку все равно дотерпела до конца. Диплом лежит, пианино стоит... А я, кстати, придумала на него сваливать библиотечные книжки, и чужие, взятые почитать, – очень удобно, они так не путаются со своими и не теряются... О, кого я вижу! Зой, привет!

К ним, резко тормозя – из-под коньков ледяная крошка веером – подъезжала высокая, выше Кати, девчонка в модной полосатой шапочке.

– Это Зоя, моя подруга, в нашем доме живет, – представила Катя. – И в гимназии тоже учится. А это Никита, двоюродный брат. Погостить приехал.

У Зои был острый стремительный взгляд, она пронзила им Никиту, явно одобрила, и на его вопрос, чем отличается гимназия от просто школы, ответила, опередив Катю:

– Уроков больше задают. Ну, еще естественные науки в почете – растяг очередное поколение этих – быстрых разумом Ньютонов.

– Тебя то есть, – пояснила Катя. – Зойке математика – на один зуб. Она даже мне что-то решает, представляешь! Они в своем спецклассе далеко вперед ушли, уже нас, наверное, обогнали. А я в гуманитарном, я же только противоестественные науки люблю!

Никита терялся под пронзительными взглядами математической подруги – наверное, такой же твердой поступью она выходит к доске, расправляться с теоремами и уравнениями. Они стали кататься втроем, и он тут же узнал, что Зоя младше Кати на два года, но завтра, тридцать первого декабря, ей исполняется четырнадцать.

– Такой дурацкий день рождения – новогодний, –

посетовала она. – Родители вечно экономят и дарят один подарок вместо двух. А если строго подойти, надо же два – один на Новый год и один на день рождения. Ну ничего, я Свете, сестре, объяснила, и она согласилась, что это логично – и теперь все правильно! – Стащив шапочку, Зоя тряхнула русыми волосами с более светлыми «перышками», чтобы Катя могла оценить – прическа была подарком. – Это от нее на Новый год!

– А на день рождения что?

– Компьютер, – гордо заявила Зоя. – Наконец-то! Ждала всю жизнь.

– У тебя новый комп? – К ним на лед сбежал, безо всяких коньков, прямо в ботинках, долговязый мальчишка – как понял Никита, Зоин одноклассник. – Неслабый подарок! Я приду поглядеть?

– Ничего, зато они уж подарили – и на год вперед отмучились, – безжалостно сказала Зоя. – Ты это, Ларионов, на день рождения напрашиваешься, что ли? Вот никогда не знаю, когда лучше отмечать! Решила сегодня, хотя раньше вроде бы нельзя. Но завтра все Новый год празднуют, а первого не соберешь никого. И плевать на предрассудки, лучше раньше, чем не пойми когда! Так что приходи вечером, Кать. – И уточнила: – С Никитой.

– А у меня вообще летом день рождения, – уныло сообщил Ларионов. – И не поздравляет никто никогда, все разъезжаются... Зой, а мне приходиться?

– Ладно, приходи, – отмахнулась Зоя, а Никита добавил:

– А у меня – Восьмого марта. Дома поздравляют маму – и меня.

Все посмеялись, а Катя с тревогой прислушалась – не звучит ли насмешка, братец такой обидчивый. Но нет – Зойка и другие знакомые девчонки поглядывают на Никиту с интересом, переглядываются, пытаются заговорить. Что ж, он довольно симпатичный, а в глазах младших должен выглядеть совсем уж внушительно. Удачно выйдет, если он с кем-нибудь

познакомится и на кого-нибудь переключится. Но вместо того, чтобы, пользуясь случаем, сплавить Никиту подружкам, Катя вдруг распрощалась:

– Ну, пока! Увидимся вечером. Мы уже накатались. Я Никите еще город собиралась показать.

И весь обратный путь, как заправский экскурсовод, увлеченно описывала город. Над крышами еще висело маленькое солнце, но уже намечались синие декабрьские сумерки, а когда подходили к дому, небо стало по-настоящему ночным, и зажглись фонари. Никита старательно рассматривал достопримечательности, пока их было видно. И лучшей из них, по Катиным словам, был ее дом по прозвищу «зефир», старинный, с высокими этажами и большими окнами, нежно-розовый – красиво смотрящийся и летом среди зелени, и сейчас на фоне сугробов, не то что эти уныло-грязно-белые многоэтажные «подковки». И кто придумал нагородить столько белых зданий в наших широтах, где восемь месяцев зима?

Никита слушал и не возражал – розовый «зефир», к которому они подходили, выглядывал из-за кружевных морозных веток, как пряник, и добродушно и приветливо улыбался ему.

Глава 9

А что подумал Кролик – никто не узнал.

Потому что он был очень воспитанный.

(М/ф «Винни-Пух»)

Вечером, еще за час до вечеринки, Катя активно начала собираться, проносясь с озабоченным видом из своей комнаты в ванную и обратно. Никита удивленно наблюдал – она, всегда погруженная в себя, такая уравновешенная, выдержанная, сейчас была сама на себя не похожа.

– Что у меня за лампочка! Слепнуть можно! –

возмущалась она, ища, где светлее, и наконец пристроилась у маминого трюмо.

– Я везде ввернул совершенно одинаковые лампочки, – сообщил папа, которому мама у этого же зеркала повязывала галстук. Они оба собирались к папе на работу на новогодний банкет. – Ну, дочка, ну, ты же у меня красавица, – поморщился Алексей Иванович, глядя, как Катя накладывает тени. – Тебе совершенно незачем краситься!

Катя терпеливо делала вид, что не слышит этой уже классической фразы, а мамино неодобрительного взгляда не видит.

– Мам, можно капельку твоих «Барберри»?

– Катя, это запах для взрослой женщины вроде меня, тебе он совершенно не подходит, – отказала мама, прекрасно понимавшая, что поиски яркого света вели к ее духам. – Мы с папой вернемся поздно, ужин я вам оставила. Надеюсь, ты Никиту одного не бросишь?.. Крепись, Алексей, мы еще доживем до времен, когда она волосы вздумает выкрасить. А больше всего я боялась, что Алешка сделает себе ирокез...

– Не брошу, – проворчала Катя, закрывая за родителями дверь.

У нее и в мыслях не было бросать Никиту, но теперь выходило, что ей опять его навязывают, и это раздражало. Сколько беспокойства, не заскучал бы милый племянничек! А ей скучно или весело – такое даже в голову не приходит! С Катей всегда все в порядке, она благополучный ребенок, всегда в духе, всегда со всем справляется, и развлечет себя сама, и никаких проблем – нечего о ней и думать!

Она вернулась в мамину комнату, чтобы надушиться. Флакончика у зеркала не было. С собой унесла, из принципа! Какое коварство!

Когда Катя оделась во что-то особенно нарядное, и в ход пошли цепочки, колечки, туалетная вода, этим она необъяснимо напомнила Никите одноклассниц – и повеяло каким-то разочарованием. Он растерянно наблюдал за превращением незаурядного образа в самый что ни на есть

заурядный, и в нем самом словно что-то рушилось.

– Ты любишь вечеринки? – справился он на всякий случай.

Катя энергично кивнула, прицепляя розовый бантик к флакончику с лаком для ногтей – подарок имениннице.

– Ну и вопрос. А ты – нет, что ли?

Никита пожал плечами, не умея объяснить.

– Я не думал, что это тебя интересует.

Катя удивилась.

– Почему нет? А ты тоже давай собирайся, ты же приглашен. Вот это будут наши подарки: лак – на день рождения, а кассета – на Новый год. – На кассете были ее любимые неизменные «Корни». – Зойке понравится.

Никита причесался пятерней – собрался.

– И на танцульки тебе нравится ходить? – еще раз удостоверился он.

– Да, – сказала Катя, помедлив. И, отвернувшись от зеркала, улыбнулась мечтательно. – Знаешь, какие необычные всегда были танцы на даче, в соседнем доме отдыха! Его закрыли на ремонт прошлым летом, ты поэтому там не был... Там очень красиво, площадка под открытым небом. Мы всегда ходили с родителями – они не танцевали, потому что не очень молодые уже, а просто гуляли по дорожкам, где белые фонари на зеленых ногах. Я люблю – когда небо, музыка, звезды, люди прогуливаются кругом, улыбаются, смеются, и все меняется – танцующие, зрители. Это похоже на жизнь.

– А ты любила ходить кругом, или... – допытывался Никита.

– Не знаю. Когда была маленькая, конечно, любила только смотреть да по ограде лазить. А потом, когда сама начала ходить на дискотеки с девчонками... знаешь, оказалось вдруг, что в этом никакой радости! Первый раз было такое давящее чувство, как страх, смешанный с позором: а вдруг никто меня не пригласит? – Катя тряхнула распущенными волосами, улыбнулась и закончила весело: – Так вот, вначале из-за этого страха не было удовольствия, а теперь – из-за того,

что наперед все известно. Я еще в самый первый раз поняла, когда меня всё приглашали и приглашали, что меня всегда будут приглашать. – В Никите промелькнуло что-то враждебное. – Ну и что тут интересного? Самая большая неожиданность – это если пристанет пьяный дурак. А на городской дискотеке вообще все свои, знакомые. На студенческой я только один раз с Алешкой была... Танцульки! Хожу, потому что все ходят. Надо же куда-то ходить. Исчерпан вопрос?

– А как же какого-нибудь принца встретить – не надеешься?

– Не исчерпан?! у-у, Никита, из тебя выйдет ревнивый, сварливый муж. А принцев я всех здесь знаю, сказала же.

– А вдруг новый появится? – не сдавался Никита.

– Новый один ты пока.

– А что ты волосы распустила? Они же как шуба.

– Ну, ты умеешь развеселить! А принц? Чем я его покорять буду? Пошли, я готова.

Все эти настырные вопросы, подумала Катя, к тому, наверное, что братец не умеет танцевать, а сказать стесняется. Ну, она же не зверь, насильно тащить не будет. Посидит, торт поест. В конце концов, день рождения – не каторга. Не дома же его оставлять одного, в самом деле! Родители вернутся поздно, а Алешка – вообще непонятно когда.

Никита и Катя вышли без верхней одежды – Зойка жила двумя этажами ниже, прямо под Перехватовыми – и пудель, не пожелав оставаться в одиночестве, увязался за ними.

Глава 10

А ну-ка, давай-ка, плясать выходи!

(М/ф «Ну, погоди!», новогодняя серия)

Катя второй час наблюдала, как скучает Никита в

Зойкиной компании. Он даже торт ел без удовольствия, в девичьей болтовне не участвовал, а когда к нему обращались, отмалчивался. Вот ведь дикарь какой! И это притом, что Зоины одноклассницы наперебой ему улыбались, заговаривали – кавалеров на вечеринке было всего-то два, Никита да Сережка, набившийся в гости тогда на катке. Конечно, чернобровый широкоплечий Никита сразу привлекал внимание. Не может же он сам этого не замечать!

А Серега, быстренько уплетя свой кусок торта, сразу приклеился к новому компьютеру – и Никита незаметно переполз к нему, чтобы избавиться от приставучих девчонок. И чем они ему не угодили? Веселые, хорошенькие. Наверное, по его меркам они дуры, сообразила Катя. Ну, пусть тогда сидит в углу, если ему это нравится. И так понятно, что толку от этих двоих все равно никакого, развлекать дам они не собираются, и танцевать их не вытащишь.

Нисколько не расстроившись, девчонки принялись сами прыгать под музыку, включив ее погромче, и Арчи с оглушительным лаем прыгал вместе с ними и, потешая всех, плясал на задних лапках.

– Зой, кажется, в дверь звонят! Ты еще ждешь кого-то?

– Да нет. Все в сборе. Пойду посмотрю... Ой, Кать, это твой Алешка!

Катя выглянула – на пороге действительно Алешка, и не один, а с двумя приятелями.

– Ты как нас нашел?

– Тоже конспираторы! Как же вас найдешь, если Арчи лает на весь подъезд... Дома никого, а я ключ забыл. Гони скорей свой – я с голоду помираю! Не завтракал еще.

– Зачем помирать? – вмешалась Зоя. – У нас торт, пирожки вкусные. Я именинница, между прочим. Давайте, угощайтесь!

– О, да тут какая компания! – обрадовались мальчишки, заглядывая в комнату. – Лёха, надо зайти, раз зовут!

Трое студентов мигом оживили общество. Девчонки отстали от Никиты и тут же переключились на более старших

и эффектных молодых людей – а те охотно позволяли с собой кокетничать – и вечеринка сразу заладилась.

Никита из соседней комнаты, где был подарочный компьютер, смотрел в открытую дверь: они разговаривают с Катей, как старые знакомые, что-то сообщают ей смешное, треплют Арчи за уши – какое им, черт возьми, дело до Арчи! И Катя уже танцует с одним Алешкиным приятелем, потом с другим. Потом, Никита удивился, к ней подошел сам Алешка – это был не домашний зловредный Алешка, а очень подтянутый, галантный, и они танцевали – и Никита подумал, что тоже мог бы пригласить Катю. Как он сразу не догадался! В занятиях фигурным катанием были элементы хореографии, и в танцах сам процесс смущал его не больше, чем катание на льду. К тому же Никите уже приходилось танцевать с девчонками на школьных праздниках и два раза на днях рождения.

И продолжал сидеть.

Катя его не звала. Опять она ускользнула, предоставив ему свободу действий. Но теперь как будто все от него зависит, надо только подойти и пригласить. Но Никита вспомнил «меня всегда будут приглашать» – и остановился.

Он даже сам был озадачен, почему вдруг так на этом заикнулся, ведь ему абсолютно все равно, что другие девчонки, трещотки-хохотушки, тоже танцуют и заигрывают, и тоже не с ним. Их всех он просто не видел, и тем более не смешивал с ними Катю, хотя час назад ему и показалось, что и она – одна из пустоголового бабьего множества. Нет, Катя оставалась все той же особенной Катей, бесконечно близкой и понимающей, но теперь и бесконечно далекой, развернутой всеми своими улыбками и разговорами ко всем остальным – ко всем, кроме Никиты!

С начала их знакомства Катя не доставляла ему таких неприятных минут! Не лучше ли ей было оставаться в красно-синей ковбойке и, сидя дома, болтать с ним как всегда?

Наконец он решил и встал, но пока шел из одной комнаты в другую, Катю перехватил один из студентов – а

Никита уже стоял рядом, и пришлось сделать вид, что он ловит Арчи: плясун, под общий хохот, всё продолжал кружиться на задних лапках и путаться у Кати в ногах. Никита взял его на руки и пошел назад, к компьютеру. И надо же – Арчи не вырывался, он признавал Никиту за своего.

– Белый танец! – объявила раздурманенная именинница, довольная, что вечеринка удалась.

Дамы кинулись на кавалеров, даже Серегу утащили от компьютера. Никита с Арчи на руках продолжал сидеть в кресле. Он вдруг осознал, что анализ собственных чувств уводит его в какую-то опасную сторону, и с большим усилием остановил поток сознания. А остаток энергии уходил на то, чтобы выглядеть достойно.

Катя поглядела на Никиту и пригласила Алексея. Тот покосился на соседнюю комнату:

– А твой хорошенький умненький братец чего скучает?

– Твой тоже!

– Ну-ну. Ты бы его хоть пригласила, что ли, разок.

– Конечно, сейчас побегу в другую комнату. А может, он вообще танцевать не умеет.

– Можно поучить.

– Сам учи.

– А чего злиться? Не хочешь – не приглашай.

Катя рассердилась еще больше, поняв, что злится оттого, что не хочет танцевать с Никитой, и что Алешка это понял.

Но почему? Почему ей всегда больше нравится, когда ее приглашают танцевать такие же, как Алешка? С ними не о чем разговаривать, но танцевать хочется с ними. Они все нахальные дураки, но они умеют держаться. И в глазах подруг она с ними лучше смотрится, чем с хорошим домашним Никитой. Конечно, Никита ничем не хуже – но выглядит лапша лапшой.

Катя подумала, не отдохнуть ли немного, но представила, что тогда она подойдет к Никите, посидит с ним, а отойти будет уже неудобно, она сама лапша, ей будет его

жалко – нет, вечеринка так вечеринка, надо веселиться, и всё. В конце концов, останься они дома, он точно так же в кресле бы сидел.

Когда в первом часу начали расходиться и распределять, кто кого провожает, и Алешка вызвался проводить девочку, которой ни с кем не было по пути, кто-то из его друзей спросил:

– А Катя? Может, подняться с ней до вашей квартиры?

В подъезде темно.

– Да она с братом. Нечего время терять.

– Какой брат? Еще один?

– Вон, стоит с собакой.

– Откуда взялся?

– Привезли.

Поднимаясь вслед за Катей по лестнице, Никита разговаривал весело, как ни в чем не бывало – сколько она ни всматривалась, не было заметно, что он задет или обижен. Это, наверное, потому что в подъезде темно, решила Катя, и, включив свет в прихожей, зорко всмотрелась – но и лампочка ничего не высветила.

«А он тоже умеет держаться. Или научился понемногу. Ему на пользу у нас бывать».

– Родители, похоже, раньше нас вернулись и спят, – сказала Катя, зевая. – Хочешь чаю? Ты ведь толком ничего там не поел. Только свет включать не будем, а то мама проснется и прибежит.

И принесла на кухню волшебный фонарь с медленными плавающими рыбами. Никита поднял крышку большой нарядной супницы – и с радостью обнаружил там еще теплые пирожки, испеченные тетей Верой. Действительно, после дня рождения очень хочется есть.

Танцевальная лихорадка кончилась, и как прежде было хорошо Кате с Никитой, а Никите с Катей. И все та же кассета пела почти шепотом:

Не спят каналы и мосты,

*И полуночные цветы,
Волшебным запахом наполнив все слова...*

Уже засыпая, Катя проговорила возмущенно, как бы сама себе:

– А может, ей не на что было хлеба купить!

И Никита из соседней комнаты тут же откликнулся:

– Батон и пакет молока – бабка всего-то три десятки стянула, и мелочь!

Глава 11

*Братец Лис, ты – не джентльмен!
(М/ф «Братец Лис и братец Кролик»)*

Катя проснулась с безотчетным и очень приятным ощущением, что миновала какая-то серьезная неприятность – только не сразу вспомнилось, какая. Ах да – вчерашняя вечеринка, совершенно прежний Алешка, беззаботный, обаятельный, интересующийся девочками – а не зомби с отсутствующим взглядом, все время исчезающий из дома.

Значит, старуха, ну, то есть та взрослая монструозно-таинственная женщина, о которой говорила мама, больше его не интересуется! Правда, есть повод порадоваться. А «хвосты» – дело десятое, нагонит – Алешка-то, с его девизом «лучше день потерять, потом за пять минут долететь»!

На кухне Катя нашла оставленный мамой список продуктов, которые надо докупить к новогоднему столу, и разных хозяйственных дел. Ходить по магазинам за едой она терпеть не могла. Что ж, записка никому конкретно не адресована, а дома сегодня двое братьев. Сейчас Катя живо распределит, кто чем займется – и все сразу поймут, что она организатор не хуже мамы.

– А ты это куда? – опешила Катя, энергично выходя из кухни и тормозя на полном ходу. На пороге стоял уже одетый

Алешка. – У тебя, что ли, опять экзамен сегодня?

В прошлом году, когда брат учился на первом курсе, это было именно так – один из экзаменов назначили на тридцать первое. Но Алешка честно покачал головой и объяснил проникновенным голосом:

– Я в газету. – Шельмец прекрасно понимал, что должен бы сейчас ходить по магазинам!

– А по магазинам кто пойдет? Мама такой список накатала – мне что, разорваться? И чего ты врешь, какая еще работа в праздничный день? Какая в самый Новый год может быть газета? Она уже выходила на этой неделе. Кому-нибудь другому вешай лапшу!

Возмущенная Катя не подбирала выражений и была на себя не похожа. Провести весь новогодний день на хозяйстве, в хлопотах, и притом совершенно одной, не считая Никиту – ей все еще в это не верилось. Ну, мама и папа сегодня работают – но этот наглец, как он смеет ее бросать? Что это за подработка такая невиданная, без праздников и выходных? Или чары старухи не сломлены, и рано она радовалась? Куда он на самом деле собрался?

Алешка, казалось, все понимал и даже сочувствовал, и молвил примиряюще:

– Ну, Кать. Я же правду говорю. Я же мог соврать, что на экзамен иду, и ты бы еще за меня волновалась – но я разве гад последний? Я говорю, как есть – у нас спецвыпуск, новогодний, рекламодатели кучу денег отвалили. Поздравлений всяких мешок. Я расстарался, дедморозов на всех страницах насажал, елочек, шишечек всяких – красиво, сама увидишь! Теперь надо в типографии проследить, чтобы все нормально сделали, потом забрать, распространителей дожидаться, проконтролировать, чтобы сегодня же разнесли... Я ведь всегда этим занимаюсь! Не начальница же будет упаковки тяжеленные таскать. А у тебя еще Никита есть...

– Доброе утро, – выглянул из комнаты Никита, разбуженный громким Катиним голосом.

Катя повернулась к нему:

– Ты по магазинам ходить умеешь? За продуктами?

– Не особенно, – сознался Никита. – Но попробовать можно.

Не дожидаясь второй части ответа, Катя демонстративно развела руками, испепеляя взглядом Алешку, который продолжал все тем же ну очень человеческим, покаянным тоном:

– ...А вечером я приду!

– Можешь не приходиться, – был ему ответ железным голосом. – Проваливай.

Глава 12

Счастье – это когда все дома!

(М/ф «Приключения домовенка»)

Вечером Алешка не пришел. Уже и стол был накрыт, а Перехватовы, не сговариваясь, оттягивали время и не садились. Катя очень старалась поддержать атмосферу непринужденности, сначала из противоречия: а мы и без тебя прекрасно повеселимся! – а потом из всё более явного чувства вины. Сказала же брату «пошел вон»...

Но веселья не получалось. Даже у елочки, украшенной новой гирляндой, посидели как-то грустновато и растерянно, мало обращая внимание на по-разному танцующие огоньки. Никита особой натянутости не ощущал, он без Перехватова-младшего наоборот чувствовал себя спокойней и к тому же привык к его почти постоянному отсутствию, а все остальные ощущали и беспокоились: а вдруг гость заметит натянутость? И изо всех сил старались быть предупредительными и естественными. В который раз посетовали на телевизор, по которому нечего смотреть, покосились на аппетитный стол, предложили Вере Васильевне уже не нужную помощь, опять пощелкали пультом, прогнав все программы.

Катю просто убивал этот вакуум, образованный

отсутствием Алешки. Нет, ей ни за что его не заполнить, как ни старайся – ее просто не хватит! По-настоящему праздновать можно только с этим зловредным нахалом. Он бы давно уже всех развеселил, не то что она...

И еще полчаса прошло, уже почти девять. И не пришел, и не позвонил. Уж лучше бы заранее предупредил, что его не будет! В прошлом году, например, он уходил на мальчишник, только уже после двенадцати. Мог бы и сейчас побыть для галочки. Они ни разу не садились за новогодний стол без Алешки! Неужели вот сейчас придется? Но нельзя же бесконечно так ждать! Наверное, и папа с мамой думают то же самое. Катя с жалостью смотрела на родителей и их неуклюжие старания развлечь гостя и еще потянуть время.

Ну, пусть он на нее, Катю, обиделся, или пусть ему важнее всего интрижка или работа – но как он может с родителями так поступать?! Портить им праздник! Они ведь уже совсем немолодые. Она как будто только сейчас увидела совершенно седую голову папы и глубокие морщинки у мамы вокруг губ и глаз. Они поженились поздно, уже за тридцать, у многих их ровесников уже внуки есть, такие же, как Алешка и Катя...

Катя вышла в Арчину комнату и мужественно позвонила брату на мобильник. Если дело в ней и ее грубости, она готова даже извиниться, лишь бы он поскорей пришел, и все стало как всегда. Но абонент не отвечал или был временно отключен от станции. Она не сдалась и послала эсэмэску: подключится – прочитает.

– Ну, четверо одного не ждут – с Новым годом! – заявил Дед Мороз, заходя в комнату с мешком подарков.

Общество оживилось. Бессменным Дедом Морозом последние восемнадцать лет был Алексей Иванович – в самом начале этой карьеры ему сшили особенный красный наряд, украшенный ватой и серебряными звездами, и такую же шапку, и такой же мешок. Правда, стихов и песен он не говорил и не пел – этим прежде, когда дети были еще маленькие, занималась мама-Снегурочка – а его актерского

дара хватало на то, чтобы от души сказать «с Новым годом!» и одарить всех из мешка. Причем мешок был самый что ни на есть сказочный, и подарки в него попадали явно по волшебству – вынимая их, Дед Мороз иногда неподдельно удивлялся и с интересом их разглядывал, а иногда не знал, кому отдать, и ему подсказывала Снегурочка.

По старой традиции, получая подарок, следовало выполнить дедморозово задание и проскакать на одной ножке вокруг елки, или пролезть на четвереньках под столом, или помяукать, или покукарекать. Никита сначала великодушно подыгрывал Деду Морозу – уж если серьезный-пресерьезный дядя Алексей надел в этот день красный колпак, значит, и правда не грех расслабиться – а потом с удовольствием дурачился вместе со всеми, чего никак от себя не ожидал.

– Это раскраски, что ли? – не понял Дед Мороз, вручая честно помяукавшей Кате какой-то альбомчик.

– Ну что ты, папа, какие еще раскраски! – Катя со смехом листала странички. – А еще Дед Мороз! Это же 3D-картинки, с Гарри Поттером, объемные такие – вот смотри...

– А другие подарки? – напомнила мама, уже не Снегурочка, но Дед Мороз ее послушался, не без сожаления оторвался от альбомчика и продолжал раздачу.

Бывшей Снегурочке подарили нарядный настенный календарь с кулинарными рецептами, Никите досталась головоломка в виде красивой многоконечной звезды – он ее тут же разобрал, а собрать уже не смог; еще одну, в виде брелока, без слов отложили на подоконник. А последним Дед Мороз вытащил... новенький колпачок для Деда Мороза.

– Или для Санта Клауса? – усомнился он.

– Какая разница, главное – новый, – подбодрила Катя, – надевай! Тебя давно пора модернизировать.

Все развеселились, Перехватовы – немного, а Никита – как следует, и, продолжая разглядывать подарки, наконец уселись за стол – Дед Мороз прямо в новой шапке.

– Кто там?

– Свои!

– Свои в такую погоду дома сидят,
телевизор смотрят!

(М/ф «Каникулы в Простоквашино»)

Громкий троекратный стук в дверь поверг семью в недоумение. Замерз звон посуды, опустили вилки, все притихли и переглянулись вопросительно. Если бы Алешка, то у него ключи есть, и звонок вообще-то работает. Кто может так дубасить?

– А дверь у нас заперта? – страшным шепотом спросила Катя.

Комната с праздничным столом была нараспашку, чтобы видеть елочку, стоящую в прихожей, и все дружно посмотрели туда, на входную дверь. Стук повторился – громкий, раздельный, настойчивый, явно кулаком. Алексей Иванович начал приподниматься, но тут дверь медленно раскрылась – сама!

На пороге стоял... Дед Мороз. В маске, в таком же сантаклаусовском колпаке, как у Алексея Ивановича, и почему-то в длинной шубе Веры Васильевны, с лыжной палкой вместо посоха. Все, ничего не понимая, не сводили с него глаз.

– С Новым годом! – весело заорал Дед Мороз, вздевая посох и нарушая немую сцену. – С годом Собаки!

И раскрыл мешок – а у него был и мешок! – из которого выскочил с обиженным лаем, отряхиваясь, изумленный встрепанный Арчи.

Арчи кинулся к Кате, а Катя и Вера Васильевна – к Деду Морозу, и с возгласами «Алешенька!» и «Алекс пришел!» начали его обнимать и целовать. Как будто он с Луны вернулся. Никита почувствовал укол ревности, и

Алексей Иванович проговорил с ноткой удивления и неподдельной обиды:

– Я столько лет в дедморозах, а меня ни разу так не встречали! Даже с подарками.

– И ты Дед Мороз? – радостно повернулся к нему Алешка, принимавший поцелуи и объятия как должное. – И я Дед Мороз! А говорили, в этот раз Деда Мороза не будет – я и повелся, представляешь! Решил скомпенсировать.

– Кто говорил?

– Какая разница, не будем показывать пальцем... А я тоже с подарками! Сейчас вы у меня покукарекаете!

Дедов Морозов много не бывает, и второй мешок приняли на ура. В нем оказались маски собак разных мастей – их хватило на всех – и хлопушки. Вера Васильевна велела дальше не ходить и палить из них здесь же, в Арчиной комнате – «а то конфетти в ковер набьется». Никита с улыбкой узнал в этих словах свою маму – все-таки она и тетя Вера были родными сестрами.

Хлопушки оказались с сюрпризами – вместе с фонтаном конфетти вылетали оранжевые пластмассовые фигурки, и их подбирали, ползая под елкой.

– Это не просто фигурки, – Катя сделала большие глаза, – это предсказания на следующий год, кому что выпадет!

Вере Васильевне досталась птичка.

– Летать тебе из института домой и обратно, – напророчила Катя.

– Я и так летаю, – отозвалась Вера Васильевна, – в две смены. А может, на море летом удастся слетать, а?

Алексей Иванович поднял маленькую машинку.

– Наша «десятка»! – влез Алешка. – Чинить – не перечинить! – Но Катя его строго перебила:

– Ничего подобного! Это мы наоборот весь год будем ездить и не ломаться.

– А вместо сердца – пламенный мотор, – развила и дополнила предсказание мама. – Сердце не будет барахлить.

– А это – знак того, что ты весь год будешь к нам

приезжать, – постановила Катя, увидев у Никиты паровозик.

Никита с надеждой взглянул на нее, его захлестнула небывалая волна радости – но Катя была уже на другом конце комнаты и доставала свой сюрприз:

– Ах, вот куда улетел, под кресло... Смотрите, бабочка! Это, наверное, будет хорошее лето!

– ...Крылышками бяк-бяк-бяк-бяк, – пропел Алешка и выстрелил своей хлопушкой.

Когда осели конфетти, Катя сняла застрявшую в еловой ветке белочку – и затруднилась с прогнозом. Что может значить белка: прыжки? запасы на зиму? Но Алексей вдруг просиял, схватил фигурку с криком «я сам знаю!» – и от полноты чувств закружил Катю по комнате.

– А что это елка не горит? У нас же гирлянда новая! А вы ее хоть покрутили? Нет? Да вы что?!

И молодежь азартно начала переключать все семь режимов, в которых плясали огоньки – и бешено-дискотечный, и ровный спокойный, и бегущие, и мерцающие. А потом запустили моторчик, давнее изделие Алексея Ивановича, и елочка начала плавно кружиться – Никита только слышал о танцующей перехватовской елке, и вот наконец увидел ее. Правда, здорово! И вообще все здорово!

А Алешка со вкусом рассказывал, как ему удалось, проникнув в прихожую, вытащить незаметно мамину шубу для своего маскарада, и приманить Арчи, и, коварно обманув его доверие, засунуть в мешок – то есть пакет, очень крепкий, припасенный заранее. А где он шлялся и почему заставил себя ждать, Алешка не рассказывал – да его и не спрашивали.

Потом они все так же увлеченно рассматривали Катин волшебный альбомчик, по очереди поднося картинку к носу и, медленно отодвигая, старались добиться особого размытого взгляда и увидеть, что же прячет обычный рисунок. Алешка поддразнивал, что Катя на самом деле ничего не видит и только притворяется, и они договорились посмотреть по очереди, а потом одновременно сказать вслух, кто что увидел, и Катя в полном молчании громко выкрикнула: «Змея!» – и все

покатились со смеху. Но это получилось неизбежно – Алешка сегодня совсем не выпендривался и с удовольствием забавлялся с младшими, в том числе с Никитой.

А Перехватовы-старшие иронически переглядывались, наблюдая, как играют большие дети в собачьих масках, сдвинутых на макушки, а потом уплетают салат оливье и чистят мандарины.

– Я еще сомневалась, – шептала Вера Васильевна, – надо ли делать оливье – такой вроде избитый вариант. И хорошо, что решила совет держать с Катюшкой. А она: как это без оливье? Да как без мандаринов? Да как без Деда Мороза? Что это будет за Новый год? А мы-то с тобой уж было собирались всё упразднить! Я думала, это уже смешно – с Дедом Морозом! А оказывается, Дед Мороз, ну, то есть, мы с тобой, еще нужны!

Глава 14

А нюх как у соба-ба-ки, а глаз как у орла!

(М/ф «По следам бременских музыкантов»)

Когда торжественно пробило двенадцать, Катя перевела дух: непросто на каждый удар загадать по желанию. Каждый год она заранее готовится, и каждый год сбивается! Вроде и куранты бьют с расстановкой, и половина желаний всегда одна и та же: чтобы все в семье были здоровы, чтобы в школе не было неприятностей, чтобы летом куда-нибудь поехать – и всё равно! Иногда разволнуешься – не загадать бы какую-нибудь второстепенную ерунду, пропустив из-за нее что-то важное – и собьешься, и пропустишь один удар, а уж после этого начнешь городить что попало.

А сейчас она сбилась, потому что вдруг вспомнила об Алешке – и пожелала, чтобы все его проблемы, особенно старуха, рассосались. Значит, одно из собственных желаний

пропало! Катя прикинула, какое именно – неужели о личной жизни? Ведь ей совсем скоро исполняется шестнадцать, должна же у нее появиться личная жизнь! Ее даже в кино пока никто не приглашал. Нет, теперь из-за Алешки все испорчено! Да стоит ли он таких жертв?!

– А теперь – гулять! – объявил неутомимый Алешка. – А то «Голубой огонек» сейчас начнется. Спасайся кто может.

Никита вытаращил глаза: уже и торт доели, и чаю напильсь, и так хорошо, тепло и лениво было сидеть у телевизора. Дома они обычно так и сидят, пока спать не захочется. Чего Алешка выдумал? Куда еще переться в непроглядную ночь?

– На площадь, к елке, – объяснила Катя, бодро натягивая свою серую кроличью шубку. – Мы всегда там гуляем на Новый год!

Они с Алешкой начали наперебой вспоминать, как не изменили обычаю и в мороз градусов под тридцать, и как один раз, когда все растаяло, все равно почти вплавь добирались до городской елки, стоявшей в луже. А сейчас нормальная погода, как на заказ – ни дождя, ни метели.

Еще не веря, что окажется в темноте и холоде, ошеломленный Никита полез за курткой и меховой сибирской шапкой. Алешка, как всегда, выскочил, не застегнувшись и с непокрытой головой, а родители собирались медленно и сказали, чтобы их не ждать, и что они догонят.

Но на улице Никита воспрянул – там оказалось полно народу! Прямо по проезжей части, где в этот час не было ни одного автомобиля, к площади направлялись целые компании, со смехом, шампанским и бенгальскими огнями. Человек пять в красных колпачках высыпали из соседнего двора, распевая «Кабы не было зимы». Среди не совсем стройного хора выделялся красивый женский голос – Катя прислушалась и, узнав, радостно окликнула:

– Ирина Владимировна! Это моя учительница музыки, та самая, – затормошила она Никиту, показывая на эффектную молодую женщину в ярко-оранжевой шубке.

– Катюша! – тоже обрадовалась та. – Я тебя сразу узнала. Вы на площадь, к елке? Пойдемте с нами! А папа с мамой где? Догоняют? А мы с друзьями отмечаем этот Новый год в кафе «Три пескаря», нас там и накормили, и развеселили, и мы решили выйти прогуляться. Правда, не все – самые отъявленные домоседы, включая моего мужа, остались в тепле... А ты ведь уже в десятом классе? И уже решила, куда будешь поступать? А как ваш чудесный пудель поживает? А это твой кузен? Алеша говорил, что у вас гость из Моршанска...

Она взяла Катю под руку и, задавая вопросы и слушая ответы, одновременно рассказывала своим спутникам, что это ее бывшая, самая способная ученица, очень тонко чувствующая музыку.

– Какую историю к пьесе «Горе куклы» сочинила! Целый роман! И с картинками! Представляете, к рядовой пьеске из сборника упражнений, которую все остальные просто тупо барабанили, не проникаясь никаким горем!

Никита чутко вслушивался – не смеется ли она над Катей, может, перебрала новогоднего шампанского – уж слишком не вязались эти восторги с собственно Катиним скептическим отношением к своим музыкальным дарованиям. Но красивый и совершенно не фальшивый голос красивой дамы не оставлял сомнений в ее искренности: она явно была из тех, кто не станет говорить того, чего не думает.

А Катя тоже диву давалась, только по другому поводу. Как мог Алешка что-то ей говорить? И когда? Она, например, практически не встречалась с бывшей учительницей все эти годы – та, выйдя замуж, жила далеко, за городом, в Сосновом Бору, где у них дача. А Алешка и вообще почти ее не знает...

Ирина Владимировна охотно продолжала разговаривать с Катей, причем совсем как со взрослой, без снисходительности и дешевого сюсюканья. И постепенно, слово за слово, начало проясняться, что она и есть та самая «начальница», владелица Алешкиного рекламного листка. Точно, говорили ведь родители, что она какой-то бизнес свой

открыла – наверное, это самое и есть... Катя запоздало и торопливо согласилась, что, кажется, «Белогорские вести» действительно похожи на газету, ну то есть это газета и есть – не может же ее любимая Ирина Владимировна, всегда такая горящая, творческая, ерундой заниматься.

Одновременно Катя ругала себя за легкомыслие и непростительное ротозейство: давно могла бы сообразить! Алешка столько пытался рассказывать о своей работе, прямо лез, даже спрашивать не надо было. А она отмахивалась, затыкала уши! Правда, у него раньше были и другие подработки, с какой стати во всё вникать – но это отговорки! Надо, выходит, вникать, чтобы потом не попадать в такие ситуации...

Ирина Владимировна предложила спеть «В лесу родилась елочка», потому что слова все знают, и хор вступил на площадь с песней. Там то и дело слышалось «с Новым годом!» – народ толпился вокруг конусообразной елки, поздравляя всех подряд, знакомых и незнакомых.

Но Катя, не обращая внимания на веселящихся, то и дело взглядывала на брата, который воодушевленно, на полном серьезе распевал детскую песенку, стараясь протолкнуться поближе к Ирине Владимировне, и, не замечая никого вокруг, не сводил с нее восторженных глаз.

– Я все сделал, я проследил, и типография не подпортила, и распространители успели, разнесли – я проверил! – говорил ей он в паузе между песнями и чуть ли не забегал вперед, заглядывая в лицо.

– Да, Алеша, спасибо, я знаю, ты же звонил, – немного удивленно отвечала Ирина Владимировна. – Да ты отдыхай, наконец, хватит о работе!

И, как только что Катю, принялась расхваливать своим друзьям Алешку, работника на все руки, которому цены нет, такого же одержимца, как и она сама, готового жертвовать для дела выходными и праздниками – друзья с легкой иронией кивали. Потом вспомнила:

– А в парке, говорят, ледяные горки сделали – пойдёмте

покатаемся! Вот только у меня подковки специальные, чтобы не скользить...

– Горки? Класс! Пойдемте! – снова вклинился Алешка, буквально наступая на пятки, и даже Катя, давно привыкшая к его гиперактивности, досадливо удивилась: это уже перебор, нельзя же так лезть. Еще подумают, что напился...

На шаг обогнав компанию, Ирина Владимировна и Катя рассказывали Никите, что после часа ночи на площади будет играть городской духовой оркестр, и если они еще не замерзнут, то вернутся послушать.

А когда подошли к горкам – их было три, разной высоты, с деревянными лесенками и снежным накатанным спуском – навстречу уже летел сияющий Алешка с огромной картонной коробкой из-под телевизора. Добыл, наверное, где-нибудь у магазина. Он положил трофей у ног Ирины Владимировны, захлеб объясняя, что теперь подковки не помеха и что так кататься гораздо лучше и, главное, безопаснее, чем просто на ногах. Веселая компания начала подшучивать, что Ирина неплохо устроилась с таким подчиненным, готовым на всё не только для дела, но и лично для нее – но Перехватова-младшего это ничуть не смутило, а смутило, скорее, саму Ирину Владимировну, посмотревшую на него как-то озадаченно.

Тем не менее все полезли на самую высокую горку. Дам погрузили в коробку, мужчины ухватились за картонные борта – и понеслись с визгом и хохотом. В конце длинного ледяного раската коробку занесло, она повалилась набок вместе с сидоками и прицепом, и получилась куча мала. Бывшая учительница, выбравшись из сугроба, заботливо отряхнула Катину серую шубку, а Катя, сняв перчатку, осторожно погладила краешек ее нежно-пушистого оранжевого рукава.

– Нравится? И мне так нравится, – поделилась Ирина. – Это крашенная белочка, я, когда ее увидела, сразу поняла – беру!

Она увлеченно продолжала сообщать, что шубка двухсторонняя, и можно, вывернув, превратить ее в строгую,

темно-серую, отправив нарядный вариант на изнанку – а потрясенная Катя всё сидела в снегу.

Она оказалась тем самым жирафом, до которого дошло только сейчас. Оранжевая белочка из хлопущки, сияющее Алешкино лицо, его бестолковая навязчивость! Она никогда в жизни не видела брата смешным – до сих пор! Увлеченным, расстроенным, ехидным, злым, каким угодно – но не в таком бездарно-глупом виде. Он, прирожденный зубоскал, всегда надо всеми потешающийся, и с таким треском провалился сквозь свой пьедестал – просто клоун какой-то!

Выходит, злодейка-старуха, которая загребла молоденького дурачка, – ее Ирина Владимировна?!

В Катиной голове этот абсурд не умещался. Во-первых, эта стильная, необычная, талантливая женщина – никакая не злодейка и совсем не старуха. А что во-вторых, уже не было возможности обдумать, потому что компания бывшей музыкантши собиралась возвращаться в свое кафе, а Алешка всё не отлипал и смотрел на начальницу преданными глазами:

– Если что-то нужно, подежурить или что, ты скажи...

– Ничего не нужно, – все еще с удивлением и почти раздраженно втолковывала редактор «Белогорских вестей». – Рекламодатели теперь нескоро проснутся, каникулы до десятого! Я же говорила!

Но он продолжал мельтешить:

– Если буду нужен, звони.

– Алеша, ты не будешь нужен, – уже резко отвечала Ирина под благодушный хохот своих друзей, не зная, как от него отделаться и в то же время стараясь не сорваться и не испортить мальчишке настроение в Новый год. – Отдыхай, пожалуйста, сдавай спокойно сессию...

Катя тянула брата за рукав, но он не обращал на нее внимания и позорно продолжал приставать:

– Я тогда провожу! До кафе.

Новый взрыв хохота. Катя подумала, что сейчас расплачется.

– Да зачем же! – вконец изумилась Ирина

Владимировна. – Мы впятером, это совершенно ни к чему. Возвращайтесь на площадь, вас там родители, наверное, обыскались. – И пошла почти бегом, не оборачиваясь, даже не кивнув Кате – она была вынуждена просто сбегать!

Но Алешка выдернул свой рукав и помчался следом.

Катя и Никита остались одни. Рассказывать двоюродному брату об Алешкиных сердечных проблемах Катя и раньше не считала нужным, раз уж родители и ее не посвящают – а теперь и подавно замолчала, сдвинув брови. Пусть сам соображает, что к чему. А не сообразит – еще лучше.

Они поискали родителей на площади, не нашли и, немного послушав оркестр и подмерзнув, сообщили домой по мобильнику, что возвращаются.

Родители к их приходу уже спали.

– Они о нас не стали беспокоиться, потому что думают, мы с Алешкой – значит, всё в порядке, – саркастически пояснила Катя.

Никита никаких вопросов не задавал – он был слишком увлечен этой волшебной ночью, необычной прогулкой, лихим катанием – и сразу рухнул спать.

Глава 15

*Эй ты, птичка, летим со мной, там
столько вкусного!..*

(М/ф «Крылья, ноги и хвосты»)

Новый год и новый день, словно чистая страница – свежий снег устелил безлюдный двор, запорошив прошлогодние следы и мусор от петард и фейерверков.

Катя посидела на подоконнике, глядя в пустой двор и проникаясь безмолвием, бывающим только раз в году: спит весь город и каждая квартира, и магазины, и машины, и автобусы – исчез весь фоновый шум, обычно наполняющий

жизнь. Жаль, что эта пауза такая недолгая: кажется, продлись она еще немного, и само собой станет ясно, как жить в этом обновленном мире, чтобы все было правильно, всем было хорошо, чтобы никого не обижать и не повторять старых ошибок...

Но вот уже совсем скоро проедет по чистому снежку первая машина, потом протопает первый пешеход, откроется супермаркет на площади, потянутся к нему те, кто всё ударно съел и оголодал – и жизнь, всё та же самая, опять закрутится, как раньше.

А может, это и неплохо! Например, десять дней каникул и еще не съеденные сладости – не такая уж эта жизнь и плохая, пусть продолжается.

На подоконнике стало холодно, Катя с него сползла и, стараясь не нарушать тишину – кроме нее, все спят, даже Арчи не слышно – вышла из комнаты.

Никита сидел в кресле рядом с елкой и собирал свою головоломку. Шесть красных зубчатых деталек никак не удавалось соединить в звезду.

– Ты уже не спишь? – зашептала Катя. – А я-то думала, что раньше всех проснулась! Я обычно просыпаюсь раньше всех в новом году. Ну, что там, под елкой? Ты что, до сих пор под елку не посмотрел?!

Она махнула рукой, чтобы Никита отодвинулся вместе с креслом – под елкой оказались три нарядных пакета с конфетами, и один большой – с собачьим кормом, тоже праздничный – на уголок нацеплена бумажная снежинка.

– Еще подарки? – изумился Никита.

– Ну да. Бери любой. Они все одинаковые, кроме Арчиного. Можешь поверить на слово, мы много раз проверяли. Мы с Алешкой, когда маленькие были, всегда всё высыпали, пересчитывали и сравнивали – а он тем временем успевал что-нибудь стибрить из моей кучи, я только потом поняла... Иди сюда, собаченька, сейчас я тебя покормлю подарочным «Чаппи»... Как же без подарков под елкой? Дети всегда раньше просыпаются, и их надо нейтрализовать, чтобы

дали поспать взрослым, – втолковывала Катя. – Для этого по телевизору показывают мультики, а под елку кладут мешки с конфетами. Если дети начали шуметь – значит, конфеты уже кончились.

Но Вера Васильевна поднялась раньше, чем закончились конфеты. Катя и Никита только-только расправились с «Мишками», «Аленками» и «Красными Шапочками» – есть конфеты полагалось по старшинству, сначала шоколадные. Впрочем, карамелек в подарках почти не было, только любимые Алешкины «Раковые шейки».

Увидев маму, Катя живо вспомнила вчерашние события и свою поразительную догадку и бросилась за ней на кухню – уяснять.

– Мама, – заговорила она напрямик, – та старуха... та женщина, в которую влюбился Алешка, – Ирина Владимировна?

Вера Васильевна, еще расслабленная после сна, около минуты думала, действительно ли она проснулась, после чего открыла холодильник и начала его изучать.

– Салаты съели. Как хорошо! Терпеть не могу недоеденных салатов. Доедать их не хочется, а выкидывать жалко... А вот торта немного осталось. Может, хочешь кусочек на завтрак? И Никиту спроси. Или вы оба с конфет начали?

– Мама, – грозно продолжала Катя – она не позволит уйти от ответа! – Мы вчера встретились с Ириной Владимировной, моей бывшей учительницей музыки, и Алешка вел себя, как идиот.

– А мы ходили-ходили вокруг елки, уже и оркестр начал играть, а вас все нет. У Арчи лапки замерзли, мы и ушли.

– Мама! – Катя не даст себя отвлечь никакими лапками!
– Над ним все смеялись, а Ирина злилась!

– Знаешь что? Поставь-ка чайник.

– Потом он бросил нас с Никитой и убежал за ней!

– Папа мечтал о домашних пельменях. Сейчас

позавтракаем и налепим. Думаю, все будут рады поесть. Мне – тесто, тебе – мясорубка, а лепить будем вместе.

– Я ведь это не к тому, чтобы на него пожаловаться! Я хочу знать, что происходит!

– ...а для начала надо помыть полы. Это тебе ответственное поручение. Везде конфетти, серпантин, дождик, и вон еще что-то сладкое растоптали...

Катя пулей вылетела из кухни, до глубины души оскорбленная тем, что с ней не желают говорить о ее собственном, родном брате. Как будто она пристаёт с простым любопытством! Как будто не ясно, что если это не пошлые шуры-муры – значит, трагедия! Ведь Алешкин выбор – более чем достойный, но и более чем смелый – обрекает его на игру в одни ворота! Ведь непохоже, чтобы ему отвечали взаимностью! А он сам этого не видит, в отличие от всех остальных! Ему же сейчас поддержка нужна!

И ее это не касается?!

Только какая поддержка? Они же взрослые, у них больше опыта в этих делах, они должны подсказать!

Еще поручениями грузят какими-то!

– Не надо мне никаких пельменей и никаких полов! Я весь день буду есть только конфеты!

Глава 16

...Поговорил бы кто со мной!

(М/ф «Летучий корабль»)

– Пойдем отсюда! Быстро! – хватая шубку, скомандовала Катя Никите, и уже на улице, начиная остывать, подумала, что это, наверное, некрасиво: с какой стати она говорит с двоюродным братом приказным тоном, можно же обидеть человека – но тут же сказала себе, что ведь Никита мог дать отпор и не послушаться, он же не робот. А раз не возразил – значит, все в порядке.

То, что сама она нуждается в Никите, как в пластыре на рану, нимало Катю не смутило. Не хватало еще одной замерзать на улице! И вообще, она не весь Белогорск ему показала.

– Вот это Сосновый Бор, – продолжила она прошлогоднюю экскурсию. До Соснового Бора обычным шагом было идти минут сорок – они же домчались за двадцать. Зато Катя казалась уже не такой взвинченной. – Здесь своя школа есть – видишь, а многие в нашу гимназию ходят в такую даль, вроде Зоинога Сережки... Если идти по этой улице до конца, можно добраться до нашей дачи. Да ты и сам, наверное, узнал, мы здесь всегда проезжали. Я на всякий случай напомнила – зимой всё другое...

Никита неопределенно кивнул – всё было другим настолько, что он не узнавал ничего. Улица со спящими коттеджами и деревенскими домами – маленький из красного кирпича, двухэтажный с большими окнами и золотым корабликом на крыше, деревянный терем в сплошной резьбе – уходила вдаль и там перетекала в дачный поселок, где под сугробами будто бы обитало его необыкновенное лето. Увидит ли он его еще когда-нибудь, как Катя – свой столик со скамеечкой? Да было ли оно на самом деле, кроме как в его голове?! Никита попробовал смотреть по верхушкам сосен – они одни не изменились – но все равно ничего не выходило.

Что ж, тогда просто к летней картинке прибавится зимняя...

– А в той стороне – причал и пляж. Пошли к озеру, по льду походим! А вон, гляди, рыбаки у проруби, вылезли уже! Или они Новый год прямо здесь встречали? Хотя ведь и мы уже вылезли...

Увидев, что Катя повеселела, Никита облегченно вздохнул: когда она с криком вылетела из кухни, злая, красная, он испугался, что сейчас тетя Вера за ней погонится и выйдет скандал. Потому и выскочил следом на улицу без раздумий и без расспросов – какие могут быть расспросы, если у человека слезы на глазах. Понятно, дело не в том, что она не хочет мыть

полы или еще там что-то делать – у Перехватовых, видимо, что-нибудь серьезное произошло. Захочет – сама расскажет.

Но Катя, по пути к озеру, лишь задала риторический вопрос:

– Ну почему мы в одном доме живем, как на разных островах? Ведь только что было так хорошо! Неужели можно чувствовать себя одной семьей только по праздникам? Вот читаешь, как Наташа Ростова с мамой шепчется – прямо завидно! И никто ее маленькой в шестнадцать лет не считает!

– А наши сироты ни с кем не шепчутся – и ничего, не умирают, – примирительно сказал Никита, напоминая об их летнем разговоре и книжных героях, надерганных для примера, – сами со всем справляются, и неплохо.

– Но мы-то не сироты, – резонно ответила Катя. – У нас есть родители, и почему бы им не разговаривать с нами по-человечески? Ты еще какую-нибудь мамашу-монстра припомни, вроде Марьи Алексеевны, тиранящей Веру Павловну – тогда своя жизнь сразу медом покажется. Вы что, эпохальный роман «Что делать?» не проходили? – заметила она недоуменный взгляд брата. – Нам из Чернышевского отрывки задавали для общего развития, а я увлеклась и целиком прочитала. Ну, неважно. Вот с тобой родители откровенны? Или тоже закрываются и втихаря всё обсуждают?

– Да нам особенно и откровенничать не о чем, – пожал плечами Никита. – И проблем вроде нет никаких. Кать, да мне чем меньше лезут, тем лучше, – поделился он искренне. – Ну, какие такие дела можно обсуждать с родителями? Бытовые какие-нибудь – на что потратить, на чем сэкономить – так конечно, они сами всё решают, да мне это и неинтересно. Я же пока денег не зарабатываю, чего меня привлекать.

Катя подивилась, что кому-то островное существование может, наоборот, казаться идеальным, и как будто успокоилась. С другого угла зрения чудовищная проблема была не такой уж и чудовищной.

Они сбежали с берега и зашагали по озеру, накрепко замерзшему, но не гладкому и скользкому, как каток, а

неровному, бугристому – должно быть, мороз застиг живую воду врасплох, и она застыла, как была, волнами. Блуждали уже больше часа, а холодно не было, даже ноги не мерзли, и яркое солнце, все выше встающее над озером, заметно пригревало.

– Гляди-ка, весна начинается!

Катя присела на корточки, заглядывая в снежную пещерку, образованную с солнечной стороны нанесенного ветром сугробика – там были сосулечные сталактиты и сталагмиты, и с них звонко-презвонко срывались частые капли.

– И правильно начинается, – одобрил Никита. – Весна и должна начинаться сразу после Нового года, потому что зима уже ни к чему. А что, если идти дальше, то и до того берега можно добраться – лед выдержит?

– Конечно. Два часа туда, два обратно. А ориентир на обратный путь – вон та сосна с раздвоенной макушкой.

Никита не мог понять, всерьез она или все-таки шутит, пока Катя не засмеялась:

– Мы с папой и Алешкой правда ходили один раз, мы еще маленькие были. Это у нас называлось поход. Дошли примерно досюда, а лед был не такой надежный, кое-где совсем тонкий. Мы с Алешкой прыгали, как самые умные, и провалились, и набрали воды в сапоги. А холодно было, не то что сейчас!

– И что? Напугались?

– Да нет, не успели, наоборот интересно было – приключение! Мы даже не заболели. Папа заставлял нас бежать всю дорогу, чтобы не замерзли, мы и неслись наперегонки.

– А тетя Вера? – заинтересованно спросил Никита, но Катя, снова вспомнив утренний диалог о фоме и ерёме, переменяла тему:

– Нам пора. А на другой берег, может, доберемся когда-нибудь. Там есть волшебный черный камень, исполняющий желания, но родители в него не верят, и мы туда еще не

ездили. – И вспомнила о своем незагаданном желании, туманной личной жизни и загадочном Isa.

И Никита одновременно подумал, что вот сейчас они вернутся, и Катя опять полезет в свой чат.

Глава 17

Я смогу! Я докажу! Я покажу!

Обо мне узнают. Обо мне заговорят!...

(М/ф «Возвращение блудного попугая»)

Они все вместе лепили пельмени, и тетя Вера расспрашивала племянника, чем отличаются ее пельмени от настоящих сибирских – Никита с родителями, кроме Казахстана и Калмыкии, долгое время жил в Сибири, и передавала, что сказала его мама, – она звонила, когда Никита и Катя ушли гулять. Так это выглядело – их встретили, словно они вернулись с обычной прогулки, без всяких напоминаний об утренней сцене.

– Мама еще спрашивала об обратных билетах, и не хочешь ли ты вернуться домой пораньше...

– Конечно, нет, – засмеялся Никита. – Чего я там не видел? Мне всё кажется, что я и так уже дома, и что вы и есть моя мама.

– А мы тебя раньше и не отпустим никуда, – заявила Катя и, улыбаясь, перевела взгляд на мать – трудно представить большой комплимент хозяйке дома, – но та в первый момент выглядела довольно оторопело, а потом с преувеличенным восторгом начала расписывать «Аиду», которую они завтра поедут слушать.

Никита, только успокоившийся, что не будет никаких нудных разборок из-за их скандального бегства, на информацию об опере отреагировал с легкой тревогой, которую заметила только Катя.

– Ничего, опера – это не смертельно, – утешила она. –

Хотя на мой вкус балет гораздо лучше – но мама, конечно, со мной не согласится. И потом, представления сейчас делают недлинные, по четыре часа публику никто не морит, обычно два, три – максимум. С антрактом и буфетом. А еще в этой постановке, я читала, будут какие-то фантастические декорации – там же в Древнем Египте все происходит...

Катя и пельмени лепила, слушая плеер, но еле слышный писк из ее наушников показался Никите незнакомым, и он справился:

– Это не «Корни»?

– Это Рахманинов. – Катя вытерла руку и поделилась с ним одним наушником. – Вот слушай. Я одну музыку ищу. Я ее давным-давно случайно услышала, по радио. Обедала дома одна, и концерт по заявкам играли, а что объявили, я пропустила – и вдруг такая музыка! Я хоть и маленькая была, но тогда уже много всего слышала, а такой – никогда. Это была сама жизнь, и там была весна, и я все так ясно видела – бурлящие ручьи, птиц, звонкие капли, солнце просто ослепительное. Со мной как будто разговаривали на моем языке! Я сразу поняла, что вся музыка, которую я до сих пор слышала, была условной и искусственной, и я с ней просто соглашалась из вежливости...

Вера Васильевна, отходившая в это время к телефону – знакомые, не успевшие вчера поздравить с Новым годом, делали это сейчас, – остановилась в коридорчике и слушала с недоумением, переходящим в обиду. Она и не знала об этой истории, уже такой давней! Дочка с ней никогда не делилась. А для нее это так важно, по ее же словам! А она-то думала, что знает о Кате всё: с кем дружит, что читает, о чем мечтает... Ну, совсем уж всего знать, конечно, нельзя – но так хочется верить, что знаешь о своем ребенке хотя бы самое главное. Неожиданная обида возросла, когда Катя сказала Никите, что доверила свою тайну учительнице музыки.

– Ирина, – она называла ее уже укороченно, – вычислила, что это Рахманинов, и играла мне разные кусочки, и многое было похоже, но не то же самое. А я так хотела бы

опять услышать то! Я до сих пор покупаю разные записи. И сегодня, после пещерки с весной, опять так захотелось услышать ту музыку! Эта кассета про запас лежала...

– И что, это – то?

– Нет, опять нет.

– А может, ты ее не узнала, ту музыку? – усомнился Никита. – Слушала – но не узнала. Может, в записи, или в другом исполнении, и под другое настроение она просто не так звучала? Такое тоже может быть. И потом, ты ведь хочешь, чтобы повторилась не музыка, а то твоё впечатление – а такое редко получается, почти никогда... – И остановился, сам вслушиваясь в то, что сказал.

Конечно, невозможно, чтобы то, что было, повторялось в точности! Выходит, и он, со своим необыкновенным летом, гоняется за иллюзиями? Что ж, упрямо подумал Никита, это его иллюзии, и они ему дороги, и они ничем не хуже чьих-то других.

– Все равно, – упрямо сказала Катя, – я же еще не всё переслушала. Вот всё переслушаю – и обязательно найду!

Никита посмотрел через открытую дверь на свою подарочную головоломку, которая так и лежала разобранной. Превратить ее в звезду пока не удавалось, но он почему-то знал, что должен это сделать, так же, как Катя – найти свою музыку. Но не до того же он расклеился, что загадал под это какое-нибудь желание? Новый год вообще провоцирует на подобную чушь... Хотя, если получится собрать, может быть, оно сбудется?

На кухню вошел Алексей, который то ли только что проснулся, то ли сидел все время у себя, не желая выходить. Молча кивнул. Катя настороженно следила за старшим братом. От его вчерашней оживленности не осталось и следа. Переживает, что его так занесло! Или что-то похуже? Неужели она не выдержала и прогнала его? Конечно, если он так цеплялся... Катя перестала лепить и с надеждой смотрела на Алешку – может, он все-таки просто устал? может, все-таки появится обычная ехидная улыбочка? Сейчас скажет какую-

нибудь дежурную гадость для поднятия настроения, вроде «работайте, негры, солнце еще высоко». Но Алексей ничего не сказал, и на еду посмотрел с сомнением: вроде надо поесть, а не хочется.

Прибежал Арчи клянуть фарш, Катя обрадовалась – пудель подсказал тему – и начала рассказывать Никите, как они покупали Арчи, а помогала им все та же Ирина, у которой были знакомые в московском клубе декоративного собаководства, и как они выбирали щенка, и как везли, и как имя придумывали, и как здорово всё это было...

В Катином повествовании не было никакой нарочитости, но Алексей отбрасывал звуковой ряд и без труда читал в глазах сестры, которые на него чуть ли не выпрыгивали: «Я твой выбор одобряю! Я тоже ее люблю! Она замечательная! Пусть предки говорят что угодно! Я с тобой! Я за тебя! Держись!» Алексей отставил тарелку и вышел из кухни.

Еще вчера это было бы забавно и трогательно. Но сегодня, когда всё рухнуло, когда он сам всё испортил своим гусарским наскоком, когда ему в глаза сказали, что его воспринимают лишь как работника-энтузиаста и недвусмысленно указали, где его место...

Прагматичным умом Перехватов-младший понимал, что это вряд ли теперь удастся выровнять. Без последствий не обойдется – она всерьез рассердилась. Но упрямство пересиливало: что же теперь, взять и сдать? Отсидившись дома до десятого, как она сказала? Да ни за что! Дня через три надо будет пойти в офис. Столько выходных – это всё лапша на уши. Она сама завтра-послезавтра прибежит на работу! Не такой Ирина человек, чтобы забросить дела так надолго. Тем более после двух неудач – ведь она уже дважды пыталась создать бизнес, и с редкой стойкостью опять начинала с нуля. На первых порах ей приходилось быть многостаночником: и редактором, и коммерческим директором, и рекламным агентом – и только недавно, когда стало ясно, что она была права, выбрав эту еще не занятую в городе нишу, что

городская газета действительно нужна и становится рентабельной, появились ей в помощь бухгалтер и он, Алеша...

Он придет в офис как можно скорее и всё исправит! И всё пойдет, как всегда. Пусть она теперь знает, что никакой он не трудоголик, а просто влюбленный пацан, – с этим ничего уже не поделаешь. Пусть это вышло так коряво. Пусть это ее рассердило – а может, и рассердило только оттого, что рядом приятели глазами хлопали. Это ему на них наплевать...

Ну, не выгонит же она его! Он ведь в курсе практически всех дел, и компьютерных, и типографских, и распространением тоже он занимается. И прежде всего это он, Алексей, воплотил ее идею, сделав ее видимой и осязаемой. Сколько дизайн продумывал, сколько перебрал вариантов, чтобы предложить читателю издание, которое захочется взять в руки – современного типа, сделанное качественно и со вкусом. Которое не поскорее выбросят, а принесут домой, потом передадут знакомым...

А сколько он делает сверх договора! Сам подбирал людей на доставку, сам придумал систему контроля, чтобы их газета оказывалась не на помойке и не в углу подъездов кучами – а в почтовых ящиках, как положено. Чтобы их издание работало, чтобы белогорцы к нему привыкали!

А сколько еще идей бурлит в голове!

Конечно, Ирина – женщина решительная, и всякие помехи в своей жизни, деловые и личные, привыкла устранять безо всякой сентиментальности. Алеша сам не раз это видел, наверное, потому сейчас было так не по себе. Но он же не помеха, а наоборот! Да без него ей просто не обойтись! Его разве что двумя-тремя работниками можно заменить!

На самом деле он сам плохо представлял, как смог бы обходиться без того, чтобы не видеть каждый день Ирину, с ее шармом, ее жизнелюбием и энергией. Он машинально взял со стола детальки красной звездочки, повертел, собрал – Никита на кухне даже привстал, – так же машинально разобрал, бросил и пошел к себе. Мама спросила из-под двери:

– Ты к завтрашнему экзамену готовишься?

Мама всегда в курсе его расписания, даже когда он сам не в курсе!

А почему бы, собственно, и нет? Надо же чем-то занять эти дни.

– Готовлюсь к экзамену. Не мешать, – отозвался он строго. – На хозяйстве пусть Катька побудет.

– Я тебе сейчас пельмени прямо сюда принесу! Уже готова первая порция! – с жаром выкрикнула Катя, озадачив маму: та ожидала, что она, наоборот, сейчас возропщет и скажет речь о каникулах и правах человека.

Глава 18

*Послушайте, ворона,
А может быть, собака,
А может быть, корова –
Но тоже хороша...*

(М/ф «Пластелиновая ворона»)

Дальше каникулы просто полетели: Вера Васильевна и Алексей Иванович, проводивший своих японцев, были свободны и каждый день возили куда-нибудь младших. Алешке тем самым создавалась тишина для подготовки к экзаменам, а гостю уделялось наконец должное внимание.

– Зимой кажется, что надо дома сидеть, и что летом ездить и лучше, и проще, – поясняла Катя. – Но это из области иллюзий, мы уже проверяли. А летом будет казаться, что в жару вообще выезжать невозможно, и что на даче куда лучше, а на пляже еще лучше... Так можно всю жизнь дома просидеть! Многие и сидят.

Никита, честно говоря, тоже посидел бы немного дома, так уютно было у Перехватовых, да и неплохо переварить впечатления, прежде чем набираться следующих. Но

остальных такой ритм устраивал, и гонка продолжалась.

Они уже съездили на оперу, потом в кино на «Гарри Поттер и Кубок огня», по настоянию Кати. А по вечерам еще успевали попадать на каток – этим она словно компенсировала оставшиеся вечерние часы, которые проводила в чате со все тем же анонимным Isa. Наутро снова оказывалось, что труба зовет: наставала очередь городского музея – Благовещенская усадьба под боком, нельзя не посетить.

Всё это было неплохо, но когда однажды Никита проснулся с мыслью, куда они отправляются сегодня, и вспомнил, что никуда, то по-настоящему обрадовался.

Но дядя Алексей сказал за завтраком:

– Не будем же мы дома сидеть? В такую погоду...

Сердце у Никиты дрогнуло, а Катя подхватила:

– Конечно, не будем! Что, Никита к нам приехал дома сидеть? Он дома у себя насидится. А пойдемте в парк, смотреть фигуры! Никит, у нас каждый год бывает конкурс снежных фигур, ты это обязательно должен увидеть! Как мы могли забыть? А то в новогоднюю ночь только до ледяных горок добрались...

В парк они отправились втроем, без Веры Васильевны, выходные у которой уже закончились. Самой внушительной была, разумеется, снежная крепость со стенами в два человеческих роста и четырьмя зубчатыми башнями по углам, напоминающими шахматные ладьи. Она сразу привлекала внимание.

– На Масленицу тут будет битва, – объяснила Катя. – Одна команда внутри, другая осаждает, и все снежками кидаются. Здорово! Разбомбят, с землей сровняют, и не поверишь, что целая крепость была.

– А достоин она до Масленицы?

– Достоит. Видишь, как плотно снег утрамбован. Это фигурки помельче обычно оттепель не выдерживают.

Они оценили высоченных, ярко раскрашенных Деда Мороза и Снегурочку, в свите у которых были такие же расписные мишка, матрешка и скоморох. Дальше вдоль аллеи

выстроились уже не раскрашенные, чисто снежные фигуры. Снежная Королева и Снегурочка, отряд пингвинов и белый медведь, огромная голова богатыря из «Руслана и Людмилы», которая произвела впечатление на Алексея Ивановича, много сказочных и просто лесных зверушек: Конек-Горбунук, понравившийся Кате, Змей Горыныч с тремя головами и чем-то похожий на него крокодил – от них пришел в восторг Никита.

Перехваты обошли выставку несколько раз, а потом заметили на самом краю аллеи еще одну снежную фигуру – ее доделывали, прилепляя что-то к голове.

– А там что? – всмотрелся Алексей Иванович. – Собака на задних лапах?

– Какая же это собака? – возразила Катя. – На зайца похоже, по-моему.

– Такой огромный заяц? – не согласился Никита. – Да это же корова. Смотрите – рога.

– Говорю же – заяц!

– Вообще-то по правилам сейчас уже не положено ни делать фигуры, ни усовершенствовать, – вспомнил Алексей Иванович. – Всё должно было быть готово еще до Нового года.

– Всё равно пойдемте поближе, посмотрим!

Загадочного зверя лепила молодая женщина с малышом лет пяти.

– Да мы никакие не участники. Просто смотрели-смотрели, вдохновились – и лепим для души, – смущенно сказала она. – Увлеклись, шары для основания накатали слишком большие. Великоват получился зайчишка, ну да прочнее будет стоять.

Катя снисходительно поглядела на спутников: собака, корова! Ничего не смыслят в зайцах. Но Никита не сдавался:

– А зачем рога?

В снежную макушку нескладного существа были воткнуты две палочки.

– Да у нас уши всё разваливались, – не обиделась

женщина, – может, так мы их укрепим. Сейчас снежком облепим.

– Знатный заяц, – утешил Алексей Иванович. – Главное – хвост!

И, слепив что-то вроде снежка, прилепнул зверю сзади.

– Мутант-убийца, – шепнул Кате Никита, но она его не поддержала:

– Очень даже неплохо получается! А маленького никто бы и не заметил. А вот можно ему усы из веточек приделать! И глазки!

И она, встав на цыпочки, уже приделывала вместе с малышом элегантные усики и глаза из еловых шишек, а женщина довольно искусно вылепила мордочку – сомнительное создание на глазах превращалось в очень даже похожего зайца. Снег превосходно лепился, увлеченность троих скульпторов была неподдельна, и Алексею Ивановичу с Никитой стало скучно оставаться просто зрителями.

– А мы чего стоим? Давай и мы лепить чего-нибудь.

Они проворно скатали три очень ровных, правильных шара, большой, средний и маленький, и взгромозили пирамидкой.

– А что это будет? – спросил Никита.

– Сообразим в процессе.

– Пока на снеговика похоже.

– А что? Такой сказочный городок, всё есть, даже крокодил, а снеговика нет! Непорядок. Какая же зима без снеговика!

– Снеговика нет, – подтвердил Никита, еще раз окинув взглядом выставку. – Точно нет!

– Так чего мудрить-то! Пусть это будет снеговик. Давай глаза ему изобразим, вот как у зайца, из шишек. Теперь улыбочку... Веселый парень! Чего еще снеговика не хватает?

– Метлы, метлы не хватает! – подбежал малыш. – Я знаю где, я принесу!

И скоро примчался со сломанной метелкой, которую

присмотрел на обочине боковой аллеи еще по пути сюда, на выставку. Мама тогда не разрешила ее взять. Сейчас она увидит, что это никакая не дрянь, а вещь, нужная людям!

– Да, с метлой гораздо убедительнее, – подтвердила молодая мама и тоже приняла участие в создании образа: – А вот смотрите, на ветке шарф висит, видимо, кто-то обронил. Давайте снеговика наденем! И его украсим, и растеряха скорее найдет, если вернется. Егор, неси сюда! Достанешь?

В нарядном шарфике в красную и белую полоску снеговик стал неотразим, но чего-то ему все равно не хватало. Заяц был уже готов, и теперь все окружили снеговика и призадумались.

– Катя, чего хотела? Всем привет!

К ним быстрым шагом подходил Перехватов-младший.

– Ничего не хотела, – опешила Катя.

– А чего эсэмэски шлешь? – Он показал мобильник. – «Алешка! Приходи скорей!» Так душераздирающе. Я подумал, случилось чего-то. А мама говорит – вы в парк пошли.

Катя озадаченно всмотрелась в сообщение. Потом сообразила:

– Да ты на дату погляди! Это я еще тридцать первого, перед самым Новым годом послала, когда ты куда-то исчез! Ты что, только сейчас получил?!

– Точно, – всмотрелся Алешка. – Вообще-то мобильник непроплачен был, я сегодня утром деньги кинул. Ну, корки! А я все бросил и побежал! Айсберг, что ли, думаю, на них упал? Откапывать готовился, голыми руками. Что ж вы, демоны, мало того что живые, так еще учиться не даете?

– Ничего, зато прогулялся, – добродушно сказал Алексей Иванович. – Смотри вот, какого мы бравого парня соорудили.

Алешка придирчиво оглядел их творение.

– Микеланджело, конечно, отдыхает, пап, он рядом с тобой – пигмей...

– Но?

– Но – у снеговика как будто должен быть нос

морковкой. Или это уже неактуально в нынешнем сезоне?

– Нос! – захопала Катя в ладоши вместе с малышом. – Конечно, носа не хватает! Как это мы прозевали! Пап, давай денег, мы сейчас сбегает в магазин!

– А я с ними, можно? – малыш запрыгал и посмотрел на мать.

И молодежь в полном составе отправилась в ближайший овощной. Правда, Алешка на полпути их покинул, решив, что сейчас самое время сходить в «Вести», а здесь и без него справятся.

И они справились! Принесли не только отличную, радостно-оранжевую морковь, но и слегка помятое игрушечное ведерко, зеленое в белый горошек. Оно валялось по пути, во дворе, между песочницей и помойкой – и все-таки ближе к помойке, почему его и решили подобрать. Углядел ведерко все тот же остроглазый малыш.

Это были последние штрихи, те самые, которых не хватало. В шляпе из ведра, с лихим морковным носом, перехватовский снеговик смотрелся на удивление живописно.

– Идем за фотоаппаратом, – решила Катя. – Это надо запечатлеть.

– А его, пока мы ходим, не развалят? – Никита, который так не хотел сегодня вылезать из дома, теперь никак не мог покинуть снежную мастерскую и всю дорогу оглядывался.

– Не должны. Тут милиционер дежурит.

Глава 19

*Птица говорун отличается умом и
сообразительностью.*

(М/ф «Тайна третьей планеты»)

Выключив компьютер, Катя еще немного посидела перед гаснущим экраном. Не верилось, что сегодня вечером, вот уже совсем скоро, ее жизнь по-настоящему изменится –

пусть даже незаметно для родных и всех вокруг. И она вернется домой не прежней Катей, знающей о встречах с молодыми людьми только теоретически, из книжек и фильмов – вернется с первого в жизни свидания.

Наконец их виртуальное общение станет настоящим! Собственно, это давно могло бы произойти. В городском чате сплошь и рядом назначают друг другу встречи, едва познакомившись. Она сама тянула все эти дни – но действительно было некогда из-за поездок. Или она просто трусила, как тогда, первый раз на дискотеке?

Неважно. Важно, что она решилась! Надо только придумать уважительную причину, почему она уйдет одна, без Никиты. Девичник какой-нибудь с подружками, всякие гадания, где ему будет скучно? Рановато, гадают на Крещение. Поход по магазинам? Никита готов таскаться с ней и по магазинам.

А может, сказать ему как есть, и пусть сам придумывает, почему он останется дома? Катя даже подпрыгнула – как легко! И долго объяснять не придется, Никита же знает об Isa – единственный, кто знает! Он вообще за эти каникулы, да и за летние тоже, как-то незаметно, само собой, узнал о ней больше, чем кто бы то ни было. И не только ни разу не подкалывал и гадостей не делал, что было совершенно непривычно и обезоруживало, а всегда относился с пониманием и сочувствием – как настоящий брат! Ей всегда этого так не хватало! Ему и теперь вполне можно довериться.

А что, если... Еще одна, совсем уж неожиданная мысль привела Катю в полный восторг. Тогда она совсем не будет волноваться!

Где там Никита?!

Никита под руководством тети Веры вешал новые тюлевые шторы, похожие на паруса, которыми она решила украсить комнату к Рождеству. Для этого пришлось отложить «Гарри Поттера» – он сначала увлекся последней, новой книжкой, а потом взялся за предыдущие, чтобы прояснить отдельные моменты. Катя сидела в сетке часами, и читать

было когда. Тетя Вера говорила без умолку: спрашивала, действительно ли эта книжка так ему интересна, советовалась, не пора ли выбрасывать елку или пусть еще постоит, а потом заговорила об обратном билете, который Никите уже купили, чем сразу испортила настроение.

Мысль о том, что ведь придется возвращаться, он старался отодвигать до последнего. И вот его так бесцеремонно приводят в чувства! Да, через два дня в дорогу. Но он не просто не хочет, он не может никуда уезжать! И Никита перед лицом угрожающей реальности ясно ощутил: не потому, что так комфортно бездельничать на правах гостя, и не потому, что дома надоело до чертиков. Он просто должен быть рядом с Катей! Вот и всё.

Чуть не сметенный этой догадкой с подоконника, Никита продолжал механически цеплять шторы, уже не слыша разговорчивой тети Веры. И на одно из ее замечаний, требующее ответа – что он, конечно, уже соскучился по дому и по маме, – ответил, не задумываясь, продолжая напряженно размышлять о своем, с неприличным чистосердечием:

– Конечно, нет. Я не маленький.

Удрученного тетиного лица он не заметил.

Наготове было самоутешение: ничего, скоро еще одни каникулы, весенние, и он опять приедет к Перехватовым, и снова всё будет хорошо, а в то, что он сейчас случайно осознал, вообще лучше не углубляться. Но мысли упорно возвращались: в Белогорске главное не сам Белогорск, а Катя, и нечего заниматься подменой. Так же, как и в его необыкновенном лете главное – не лето, а Катя. Зачем себя-то обманывать?

Тут Никита весь вспыхнул: то, отчего он действительно хочет к Перехватовым – может быть, недопустимо и стыдно? Потому он и самого себя готов обмануть? Ведь Катя – его пусть двоюродная, но все-таки сестра.

Ну и что?! И он, по Катиной привычке, начал вытаскивать из памяти ряд: Наташа Ростова и Борис, Соня – Николай... «Беда – двоюродные братцы и сестрицы» – это

сноска, а на странице по-французски: «кузены»...

– Никита, иди сюда скорее! – На пороге стояла Катя, глядя снизу вверх на Никиту под парусами. – Ну, слезай, слезай – ведь прицепил уже всё! – И, не дожидаясь, побежала в свою комнату.

И Вера Васильевна с изумлением наблюдала, как до сих пор рассеянный Никита вмиг очнулся и спрыгнул с подоконника. Кати уже не было – она и не сомневалась, что верный паж последует за ней! И он последовал, причем стремительно! И даже из вежливости не спросил, всё ли они закончили с занавесками, не надо ли еще чем-то помочь. И она видит эту стремительность уже не первый раз! Наваждение какое-то...

А Никита слушал Катю и не мог поверить: она собралась идти на свидание с тем самым Isa... вместе с ним! Уяснив, что это не шутка, он возмущился до глубины души – той самой глубины, только что заглянув в которую, был так потрясен. Но, оказывается, ни одно потрясение не окончательно, жизнь всегда припасёт еще более эффектное, как кроличьи уши из рукава фокусника! И, разумеется, ни один мускул на лице опять-таки не должен дрогнуть. Надо же, а совсем недавно он обижался, что вот Катя с кем-то общается в чате, а ему не рассказывает – не доверяет. Уж лучше бы и дальше не доверяла!

– Я-то тут при чем? – резко ответил он.

А Катя терпеливо разъясняла:

– Мы просто придем туда вместе, я хочу сначала посмотреть на него со стороны. Если всё будет в порядке, я к нему подойду, и ты сможешь идти домой, а если нет – сделаем вид, что просто гуляем. – И, заметив, наконец, окаменевшее лицо Никиты, тоже возмутилась: – Мне нужна твоя помощь, а ты думаешь только о себе, о том, как будешь выглядеть, и что время потеряешь! Где совесть – ты же брат, к тому же старший!

Да, еще одно открытие за этот день, только подтверждающее первое: то, что он чувствует – самая

настоящая ревность! С какой стати?! Он же только что решил, что не имеет права на всё это. И Никита как можно спокойнее спросил:

– И как ты себе это представляешь?

Катя, обрадовавшись, начала говорить, что назначила свидание в парке, на аллее снежных фигур, рядом с гигантским зайцем – там всегда полно народу, и можно, как будто прогуливаясь и не вызывая ничьих подозрений, незаметно посмотреть на ее виртуального донжуана. Будто бы и Никитино мнение ей хочется узнать – хотя он мог бы сказать его сразу, не глядя.

– Так что тебя все-таки смущает? – задал Никита еще один вопрос.

– Ничего. Просто с тобой мне будет надежнее.

Глава 20

Мы в некотором роде не совсем гавайцы.

Скорее даже, совсем не гавайцы...

(М/ф «Приключение капитана Врунгеля»)

Они ходили по аллее уже целых полчаса. И крепость несколько раз обошли, и снеговика своего навестили, полюбовались.

– Нас скоро примут за жури, – заметил Никита, – мы так пристрастно всё разглядываем.

На самом деле они пристрастно, хотя и искоса, смотрели на зайца – но красавец-студент, которого оба нарисовали в воображении, не появлялся. Пару раз, прогуливаясь, остановился рядом с ним Сережка из Зоиноного класса – и всё. Конечно, пока никакой тревоги, они же пришли заранее – и все-таки Никита начинал ощущать, что Катя все-таки вляпалась не пойми во что – одновременно с радостью, что долгожданно-романтическому свиданию не бывать. Катино лицо было непроницаемым – и через десять минут

после того, как условленный час пробил, и еще через десять.

Студента-программиста возле снежного зайца не было. Все это время там топтался только Сережа Ларионов, озираясь по сторонам и все чаще поглядывая на часы. Никита припомнил, как этот парень на дне рождения не мог оторваться от подарочного компа и засыпал его, Никиту, специальной терминологией, демонстрируя свои познания. Нет, сегодня уникальный день: его озаряет и озаряет! Но ведь всё сходится. И «компьютерный гений», и Isa – это, кажется, его инициалы, фамилия-имя плюс какое-то отчество.

Никита быстро просчитал, каким ущербом это может грозить Кате. Скорее всего, дылда-восьмиклассник просто хотел познакомиться с девушкой, решив, как и Катя, что вполне тянет на студента, и что только выиграет от повышения социального статуса. И вряд ли он знает, что имеет дело именно с ней. Ее ник ее не раскрывает. Значит, это не прикол – уже легче. Но для нее-то всё равно получается полный конфуз, с ее самолюбием, да еще усугубленный присутствием свидетеля! Как она, наверное, теперь жалеет о своей выдумке взять его с собой!

И что теперь лучше – сделать вид, что он не понял, кто такой Isa? Бесполезно, она же знает, что он не идиот. Или все-таки идиот – стоит, ушами хлопает, никак не сообразит, как ей помочь из всего этого выбраться!

Но Катя не ждала никакой помощи. Она признала с достоинством:

– Один – ноль в твою пользу. Ты – прозорливец. Гордись. – И без всякой паузы потянула его вперед: – А ну-ка, пойдём-ка!

Никита поспешил за ней, с ужасом думая, что сейчас будет – Катя шагала напрямик к зайцу. Может, у нее от обиды крыша поехала? И она сейчас дров наломает – кинется разоблачать малолетнего обманщика, или еще что-нибудь... И тогда уж точно опозорится, а потом не вынесет этого! Остановить ее немедленно! Схватить в охапку и утащить домой!

Но Никита ничего не успел.

Катя, зацепив его под руку, уже прошла мимо незадачливого ухажера, повернувшись к нему с естественной, оживленной улыбкой:

– Привет, Сереж! Твой заяц, что ли? Да ты совсем замерз!

Ларионов уныло махнул головой, видимо, одновременно отрицая и то, и другое, а Катя остановилась на минутку:

– А вот этот снеговик – наш. Вчера лепили... А ты чего такой невеселый?

– Девушка ушла с другим, – подыгрывая, предположил Никита.

– Или компьютер сломался! – Катя дружески помахала рукой на прощанье и пошла дальше, заливаясь искренним смехом – вряд ли только над Ларионовым. – Не горюй, починишь!

Глава 21

Да, но что скажет стая?..

(М/ф «Маугли»)

Не было слышно ни телевизора, ни «Двадцать пятого этажа», ни какой-либо другой музыки. Арчи, повесив уши, скучал на своем кресле.

– Катюшка с Никитой на катке? – определил, заходя в квартиру, Алексей Иванович. – Ужинать? Да нет, я попозже, вместе с молодежью. Вот газету пока посмотрю... – Но через минуту появился на кухне с листочком «Белогорских вестей», показывая Вере Васильевне на мелкие буковки выходных данных, которые обычно не читают. – Смотри! Компьютерный набор и верстка – какая-то Караваева. Уже не Алешка! Ты знаешь, что это значит?

– То, что он там больше не работает. Надо же, а я

никогда эту мелкоту и не смотрела.

– А я только это всегда и читал, – признался Алексей Иванович. – Это что же – обе проблемы долой? За ум, что ли, взялся?

– Я надеюсь. Может, все-таки будешь котлеты, пока горячие? Когда еще вернется эта молодежь.

– Действительно! – Перехватов-старший исполнился вдохновения – то ли оттого, что неприятности уже не нависают, то ли от вкусного аромата. – Хорошо, что Катюшка еще маленькая, и у нее нет пока воздыхателей, кроме Никиты, – пошутил он. – И можно сделать передышку перед очередным раундом.

– И ты тоже заметил?

Голос жены стал неожиданно напряженным. Алексей Иванович, увлеченно расправляясь с котлетой, как ни в чем не бывало осведомился:

– Что наша Катюшка околдовала бедного Никиту? Да еще летом было видно. Ходил за ней хвостом. Что ж ему оставалось, если Алешка его игнорировал?

Но Вера Васильевна взволнованно перечисляла симптомы, подмеченные ею у племянника, и описывала разные ситуации, включая вчерашнюю, с занавесками.

– Да верю, верю. Ну, и пусть себе влюбился, – отозвался Алексей Иванович с легкой иронией. – Если бы дети росли вместе, сидели рядом на горшках, дрались из-за игрушек – ничего подобного бы не случилось. А твоя Надя с семьей всегда жили далеко, по всей стране мотались, и вот Никита первый раз к нам приезжает и видит взрослую девицу-красавицу – естественно, что сразу взял да и влюбился. А ему говорят, что это его сестра... Да не волнуйся ты так, Вера, не стоит! Они же еще дети. Вот уедет Никита домой и всё забудет. А Катька его вообще не воспринимает, для нее это одна из кукол или Арчи номер два.

– В том-то и дело. – Веру Васильевну успокоительные речи не успокоили, она продолжала оставаться встревоженной и серьезной. – Катюшка пока ничего не замечает, голова у нее

чем-то другим занята, и слава богу. А вдруг заметит? А вдруг он сам ей скажет? Что тогда? Не так это все забавно и безобидно! Я два дня места себе не нахожу! После лета полгода прошло, а он ничего не забыл! На это нечего надеяться. Уж отправить бы его, что ли, домой поскорее!

– Вера, да ты что? – Алексей Иванович положил вилку.
– Да Никита – нормальный парень...

– Так я за него и боюсь! Ведь что такое Катерина? Это же тихий омут с чертями! Она иногда так вспылит, что я не знаю, что и делать, да и она с собой, похоже, справиться не может. Вот ты представляешь, как она отреагирует на Никиту-влюбленного? Я – нет! Может и оборвать, и засмеять, и презрением облить, так что мало не покажется. И что тогда нам делать? Никита – мальчик и правда нормальный, хороший, но очень непростой. Надя же специально к нам его присылает, чтобы он пообщался с ровесниками – он всегда был замкнутым, всегда без друзей...

– Откуда им было взяться с этими бесконечными переездами? – проворчал Алексей Иванович. – Сами всё усложняют, громоздят одну проблему на другую...

– ...Ты же видишь, сколько времени понадобилось, чтобы он вылез из своей скорлупы и просто разговаривать начал по-человечески! Чтобы почувствовал себя здесь по-настоящему у родных! И вот – пожалуйста, всё так запутывается. Какие там передышки! Что я Наде скажу? Пообщался, называется! А если он еще и душевную травму здесь получит?! У нас перед этим ребенком особые обязательства, мы не должны этого допустить!

– А ты думаешь, надо что-то говорить Наде?

– А разве нет? Я хотела сейчас ей звонить, пока детей нет дома. Надо же предупредить! Она должна быть готова...

– Вера! – развел руками Алексей Иванович. – Ну, в колокола-то бить зачем? Ведь еще ни коня ни воза. Если ты и сестру так активно примешься обрабатывать, то только напугаешь, она еще навоображает лишнего, того, чего и нет. Вот с Алешкой только что ты тоже рвалась в бой – и что бы

было, представь, если бы ты еще раз к нему полезла с разговорами? Или, чего доброго, к Ирине? Я знаю, как трудно не вмешиваться, но надо иногда себя заставлять!

– Но надо же ее предупредить! Мы должны что-то делать! Это Никита, скорее всего, уже навоображал лишнего! Что у него противоестественная склонность к двоюродной сестре, например. Еще только комплекса вины мальчишке не хватало плюс к остальным комплексам! Он же не знает, что он приемный сын!

– А в этой ситуации, пожалуй, рад бы был узнать, – задумчиво произнес Перехватов-старший. – Что между ним и девочкой нет никаких родственных барьеров.

– Ты не соображаешь, что говоришь! – Вера Васильевна рассердилась не на шутку. – Он ничего не должен узнать! Как он воспримет, что мать неродная? Я не представляю! Он и так к ней не особенно тянется! Он за две недели о ней и не вспомнил ни разу! Все это ужасно, но мы сейчас не об этом.

– Да я и не предлагаю раскрывать ему тайну усыновления – это дело его родителей, абсолютно не наше. А с мамашами мальчишки в этом возрасте никогда не нежничают, зря ты это в голову берешь...

– Конечно, не наше! Они столько раз переезжали, чтобы он ничего не узнал! Помнишь, как те соседи пронюхали и начали их шантажировать? Да, ну а ты что предлагаешь?

– Да я только размышляю – может, Катюшке сказать? Если ты за нее опасешься. Под строжайшим секретом?

– Алексей!

– Ну, тогда ей станет ясно, что с двоюродным братцем не носятся, как с писаной торбой, как может показаться, а только стараются быть ему настоящими родными и оберегать от лишних неприятностей. Тогда и она не поступит с ним жестоко, что бы ни узнала или о чем бы ни догадалась. Если отбросить всякие ее закидоны, она же чуткий, добрый человек!

– Не думаю, что имею право что-то рассказывать, – ледяным голосом проговорила Вера Васильевна, – если сестра

считает, что знать об этом должны только взрослые.

– Ну, тогда не знаю, – еще раз развел руками Перехватов-старший. – Тогда пусть все идет, как идет. Просто читать Катерине мораль бесполезно, по-моему. Может вызвать обратный эффект. И потом, уедет Никита – а потом опять приедет. Ты их спрячешь, что ли, друг от друга? И перезваниваться они могут, и письма писать хоть каждый день по электронной почте – и тут ты уже никак не проконтролируешь и ни на что не повлияешь...

Вера Васильевна сделала протестующий жест, но муж решительно продолжал:

– Нет уж, давай на чем-то остановимся. Ты решила, что Кате рано знать о семейной тайне, – хорошо, но тогда позволь себе не брать ответственность еще и за влюбленного племянника! Обязательства перед ним у нас, конечно, особые, но мы не можем уберечь его от всех шишек в его жизни. Пускай получится, что мы не образцовая семья, но не можем же мы сделать для Никиты то, что и для собственных детей не делаем и не считаем нужным – создать идеальные условия какие-то! Переусердствовать тут – не думаю, что правильно...

– Мы победители! Ура!

В кухню, с шумом и смехом, ворвалась Катя, прямо в шубе. За ней маячил Никита.

– Вы что, газету не читали? Вот же она у вас!

Глава 22

*Подарок сразу вручат, а может быть,
вручат.*

(М/ф «Пластилиновая ворона»)

«Белогорские вести» и впрямь становились настоящей газетой. Катя показывала пальцем на колонку новостей, появившуюся на первой странице. Она открывалась итогами конкурса снежных фигур. Алексей Иванович принялся было

вслух читать заметку с самого начала, но Катя нетерпеливо ткнула в последние строчки:

– Да вот же где читай! Там – неважно, первое место у головы богатыря... Вот: «Приз зрительских симпатий получил живописный снеговик, точь-в-точь как на картинках в детских книжках: морковный нос, ведро на голове. Автора фигуры просят обратиться к жюри – Ваш приз ждет Вас! Контактный телефон...» Ну, что? Звони скорей – и побежали за призом!

– Да, прославились, – подтвердил Перехватов-старший, еще раз просмотрев заметку. – Но сейчас уже поздно, скорее всего никто не ответит. Я завтра утром с работы позвоню.

Катя испустила недовольный вопль – ей хотелось приз прямо сейчас. Они с Никитой еще в подъезде подобрали Алешкин рекламный листок, и она сразу увидела, что там не только реклама, а уже есть что читать. Выходит, правду он говорил, новости появились – да еще какие! Но до чего же скучные эти взрослые! Ничем их не расшевелишь, даже таким событием.

Вдруг мама, склонившись над листком, воскликнула:

– Смотрите, смотрите! Тут, кажется, про Алешку!

Все головы разом столкнулись над газетой. В одной из заметок сообщалось, что в Белогорском институте, несмотря на мороз, самые горячие деньки – идет сессия. И дальше студент факультета информатики Алексей П., успешно сдавший очередной экзамен, делился своими впечатлениями. Произведение называлось «Ни пуха ни пера» и было подписано – Караваяева.

– Смотрите-ка, опять Караваяева, – удивилась Вера Васильевна. – Она там что, на все руки мастер?

– Ты думаешь, это точно Алешка? – выразил сомнение Алексей Иванович. – Тут же пишут – успешно сдавший...

– Конечно, он. Кто, кроме Алешки, может ляпнуть корреспонденту: «Халявы не ждем, на шпоры не надеемся»? – резонно заметила Катя.

Он улетел – но он обещал вернуться!

(М/ф «Мальш и Карлсон»)

Никита выглянул в окно. Вишневая «десятка» стояла у подъезда. На вокзал его отвезет Алешка – у дяди Алексея сегодня загруженный день, он попрощался с ним еще утром, уходя на работу. Час или больше в пути с Перехватовым-младшим, один на один! Ничего, можно будет включить радио...

Во дворе на снегу сиротливо валяются елочки, засохшие, ненужные, наполовину облетевшие, с зацепившимся кое-где серебряным дождем. Вот и закончился, вот и выброшен Новый год. И ему пора к выходу.

Чуть не забыл! Никита собрал с подоконника детальки красной звезды и высыпал в карман рюкзака. Головоломка так и не поддалась. Оранжевый паровоз из хлопушки лежал в нагрудном кармане. Теперь вроде всё.

– Никита, все взял, ничего не забыл? – раздался заботливый голос тети Веры. – Ну, идем, присядем на дорожку.

Тетя Вера и Катя ждали его в Арчиной комнате. Женщины – так договорились – не поедут к поезду. Они прощаются здесь.

Присели, как положено. Но Катя не могла усидеть спокойно – она вертелась волчком, улыбалась и подмигивала, стараясь подбодрить совершенно убитого Никиту. Вспомнила о чем-то, подскочила:

– Я сейчас!

И, сбегав к себе в комнату, принесла мягкую игрушку – снеговика, белого и пушистого, с красным носом, в полосатом шарфике – миниатюрную копию их снежного шедевра. Это и был знаменитый перехватовский приз.

– Возьми с собой! На память!

Никита с трудом поднял на Катю глаза, но увидел лишь

искрящееся веселье и удовольствие от собственного широкого жеста: теперь-то братец точно оживится!

– Бери-бери, – подтвердила она свою щедрость, протягивая снеговика. – Будешь дома хвастаться. А я потом тебе наши фотки пришлю.

Их расставание не было для нее концом жизни! Никита слишком хорошо представлял, как она сейчас, захлопнув за ним дверь, устроится, как всегда, с книжкой на диване, или будет звонить своим Светкам и Зойкам, или отправится с ними гулять – все такая же беззаботно-оживленная.

А сейчас – это обычные проводы родственника.

Или все-таки, словами Алешки, – «железная Катеринина выдержка»?

Тетя Вера велела Никите еще раз проверить билет, документы, деньги, и он механически проверял, а Катя вдруг хлопнула себя по лбу:

– А книжка-то! Подождите!

И опять помчалась в свою комнату. Принесла четвертый том «Гарри Поттера» – Никите в поезде читать. Надо бы третий, да он задевался куда-то.

– Наверное, кто-то взял и не отдал. Жалко, мой любимый том! Ну, ничего, четвертый не хуже!

Никита машинально взял книжку и положил на полку у зеркала. Они уже вставали, и тетя Вера целовала его и говорила последние напутствия.

– Не горюй! – Катя весело чмокнула брата в щеку. – Мы же скоро опять увидимся! Приезжай на весенние каникулы. Обязательно приезжай! А летом, может, все вместе приедете, всей семьей, к нам на дачу!

Никита вскинул на нее взгляд с последней надеждой увидеть хоть каплю искреннего чувства, подобного его собственному – но Катя продолжала болтать чепуху, видимо, от всей души стараясь развеять его печаль.

Никакая это не выдержка. Рядовые проводы.

– Я приеду.

Даже Арчи не прыгает, как обычно, а нерешительно

стоит рядом, робко помахивая хвостом. Собаке, и той передается его тоска, и она понимает, что не время радостно скакать!

А в дверях Алешка, присевший завязать шнурок, смотрел на Никиту пристально, не отрываясь.

Хлопнула последний раз дверь подъезда, вишневая «десятка» развернулась. Никита сидел впереди – там, где и мечтал когда-то сидеть. Перехватовы-женщины махали из окна – он не в силах был смотреть, но знал, что они машут.

Теперь к лету, которое хранится в памяти, прибавилась зима – она еще не закончилась, но Никита уже сворачивает ее и бережно укладывает. А весна и следующий приезд – кто знает, какими они будут, и какими будут тогда он и Катя. Всё так меняется. Но никогда не изменится то, что уже есть, и оно принадлежит ему – навсегда!

Надо сказать Алешке, чтобы включил радио.

Глава 24

– Слово пиратское свято:

Будем дружить навсегда.

– Я уважаю пирата!

– А я уважаю кота.

(М/ф «Голубой щенок»)

Радио не понадобилось – Алешка сам говорил без умолку, прямо как тетя Вера. Никита очнулся и обратил на это внимание, только когда они уже выехали из города. То, что двоюродный братец, обычно снисходительно-высокомерный, общавшийся с ним исключительно из вежливости и увиливавший от всех Никитиных попыток сблизиться, теперь разговаривает столь дружески и охотно, было необычно само по себе. Но еще больше удивил Никиту его беспечный, почти как прежде, вид: последнее время Алексей ходил мрачнее тучи

– должно быть, из-за сессии. Никита слышал, что там всё запущено.

А Алешка продолжал многословно рассказывать об институте, об экзаменах, о своей новой работе в одной из отцовских лабораторий – он туда уже ходил один раз, для знакомства. А после сессии, с которой уже задолбался, но которая уже подходит к концу, приступит по-настоящему...

Никита не понимал, чем вызвано дружелюбие – не радостью же, что он наконец сваливает домой! – но из пучины отчаяния начал понемногу вылезать. Следовало поддержать разговор, сказать хоть что-то. И он спросил:

– И что, в лаборатории лучше, чем в газете? Тебе там вроде так интересно было – не будешь скучать?

Долгая пауза дала Никите понять, что он, кажется, промахнулся. Неясно почему, но об этом лучше было не говорить. Перехватов-младший даже в лице переменялся. Черт возьми, но Никита же не знает ничего о его делах и тем более о неприятностях! Конечно, он не слепой, и замечал, что вокруг Алешки постоянно витает какая-то напряженность – но ему никто ничего не рассказывал, даже Катя – а он и не спрашивал. Не в его правилах совать нос, куда не просят. А этой работой в рекламном листке Алешка и правда так горел...

– Что кончено, то кончено, – наконец заговорил Алексей, прервав молчание. – Ты же видел Ирину. Можно скучать хоть до пенсии. Такие женщины не кокетничают, а четко дают понять, что им нужно или не нужно – и застревать на этом нечего...

Никита с ужасом начинал понимать, что влез не просто не туда, а во что-то очень личное! Он растерялся – как же теперь все исправить, но Алексей и не думал его осаживать, а продолжал объяснять, время от времени отводя глаза от дороги и внимательно взглядывая на двоюродного брата:

– Я в офис пришел в тот день, вы зайца лепили. А там сидит эта Караваева. Они уже рождественский выпуск сделали! Без меня! Она без меня его делать решила! А я там, оказывается, уже не работаю. Она мне прямо так и сказала.

Мол, нашла удачную девицу, которая будет и верстать, и принимать рекламу, и даже новости писать – а я будто бы временный студент, а ей постоянный человек нужен. Вот так! «Ты работник золотой, но ты же учишься». Вот так! Это тебе не дома, где сорвешься – а все потом делают вид, что ничего не произошло. Тут сразу получай, что заслужил. А еще Караваева прицепилась: ой, вы студент! Ой, а расскажите про сессию! Ой, а какие у вас впечатления – я информацию сделаю! Еще и байки пришлось травить, прежде чем дверь закрыл с той стороны. Ладно. Всё, что не убивает, делает сильнее. Это можно пережить. И ты переживешь!

Он говорил все более свободно, как будто даже с облегчением, доверяя двоюродному брату то, что никогда не сказал бы ни женщинам своей семьи, ни отцу, ни приятелям – и что, он был уверен, останется только между ними.

Никита слушал, не всё понимая, но стараясь схватывать суть. А последние слова заставили его вздрогнуть. Но Алексей смотрел на него спокойно, это был его обычный взгляд насквозь, и Никита понял, что и на этот раз от Перехватова-младшего ничего не утаилось. Вот только тон у брата был непривычный – понимающий и даже сочувственный.

– Нам обоим нечего ловить. Ты это тоже поймешь, если еще не понял. Мне вот клин клином вышибло сейчас, в прихожей, когда ты с Катькой прощался. Одним махом! Я как будто себя со стороны увидел. И я больше никогда не стану смотреть на женщину такими жалобно-щенячьими глазами! Я себе это не позволю! И тебе не советую. Летом же еще говорил – ты для нее только брат по разуму.

Никита не обиделся на щенячьи глаза. Неслыханная степень понимания и доверия сбила его с толку, и он не сразу пришел в себя.

И первая мысль: уж если самому Алешке было необходимо вот так выплеснуться – значит, нет ничего постыдного и в том, что он догадался о его, Никитиной тайне. И тем более нет ничего постыдного в ней самой – если брат так не считает. Так всерьез можно говорить только о

настоящем, об имеющем право на существование. Пусть даже сам Никита понимает, что надежды действительно почти нет...

Зато теперь он знает, что у него есть настоящий, а не формальный брат! Судьба что-то отбирает, а что-то и дарит – из рукава вместо кролика неожиданно вылетела птичка. Никогда бы не поверил, что такое возможно! Выходит, не так уж и мало между ними общего, если они переживают сейчас одно и то же.

Молчать дальше казалось нелепо, но Никита боялся опять сказать что-нибудь не то. А Перехватов-младший и не ждал каких-то особенных слов – он увидел ответ в благодарных глазах двоюродного брата и удовлетворенно подвел итог:

– Вот так! Держать удар – и жить дальше.

И включил радио.

Привычно распевали «Корни» – как будто Никита и не уезжал из перехватовского дома:

*Ты веришь птицам и стихам,
Стекают звезды по щекам,
И в темных лужах отражаются огни.
Бензином город весь пропах,
И мятным снегом на губах
Растает сказка о любви и эти дни!*

Глава 25

Ах, какой был слон, какой был слон!

(М/ф «Следствие ведут коlobки»)

Было непривычно пусто, и в комнатах, и на душе. Катя хотела спокойно почитать, не испытывая наконец угрызений, что надо уделять внимание гостю, а она не уделяет – но что-то не читалось. Когда позвонила Зоя с приглашением на каток,

она обрадовалась, но и на катке оказалось как-то скучновато – надоела вся эта зима с катками и холодами. Или это каникулы уже надоели? Катя представила школу и поняла, что – нет, нет! – каникулы совсем не надоели! И все равно пошла домой, сказав девчонкам, что замерзла.

Пустота продолжала тащиться следом. Катя натыкалась на нее каждый раз, когда вспоминала что-нибудь важное или интересное – и тут же собиралась рассказать, и когда мимо пронесся невиданный розовый лимузин – интересно, чей? – и потом, когда увидела афишу – открылась выставка кошек, может, сходить? Но ее верного второго «я», с которым она так привыкла всем делиться, и который везде обычно следовал за ней, не было. Надо же, а поначалу он раздражал именно тем, что всё путался под ногами! Жаль, что у нее нет такого же совсем родного брата, который бы всегда был рядом...

Даже после развоплощения Isa не ощущалось ничего подобного, хотя уж с ним-то связывались грандиозные надежды, столько было в переписку вложено времени, души и остроумия...

Катя еще раз подивилась тому, что, оказывается, совсем разучилась ходить по городу одна.

В «Белогорский пассаж», бывший магазин «Культтовары», заходила элегантная дама в серой шубке. Катя вспомнила, что там есть отдел с кассетами и дисками, и тоже зашла. Увидела свои «Корни» – появились новые сольные записи, постояла у Рахманинова – есть у нее второй концерт? На кассете – кусочки из него. Вроде нет, но стоит ли слушать минор? Потом вспомнила, что сказала Никите – переслушает всё. Ну, всё так всё...

– Добрый вечер. А я тоже заскочила записи посмотреть.

Перед ней была Ирина в строгом, сером – ну да, это тот повседневный вариант, она еще о нем говорила. Праздничная оранжевая изнанка – внутри. Катя смешалась. Женщина, которой она так восторгалась, и из-за которой теперь страдает ее брат – как с ней разговаривать? Язык к тому же прилип, и рот не раскрывается... «Если не знаешь, как поступить, –

поступай порядочно» – это мама когда-то вычитала. Афоризмы и рецепты обычно раздражают, но этот сейчас кстати.

– Что-нибудь купили? – спросила Катя будничным голосом, поддерживая необязательную светскую беседу.

– Нет. Искала Джо Дассена, для мужа – он музыку почти не слушает, а Джо Дассен ему нравится – но здесь не оказалось. Говорят, уж слишком ретро. Дома с компьютера можно слушать, но я хотела купить компакт для машины, чтобы в пути не скучал. – Ирина была, как обычно, приветлива, говорила легко и совсем не натянуто.

– Может, на рынке?

– И там тоже нет, я там уже была. Думала еще к Новому году подарок сделать, потом к Рождеству – не получилось. Теперь двадцать третье февраля надвигается. В Москве посмотрю... А ты что-то выбираешь?

– Пока присматриваюсь...

В голове пронеслась одна из тех безумных мыслей, которые обычно сам же сразу смущенно отбрасываешь. «Если сейчас вспомнит про мою пропавшую музыку – значит, она не виновата, и не была с ним жестокой!»

– Рахманинов? – Ирина проследила за Катиным взглядом на витрину. Отдел классики довольно скромный, но все-таки не меньше двух десятков разных записей. – Так ты все ищешь? Так и не сдалась?

– Нет, – улыбнулась Катя с облегчением. – Я найду. Я еще не все переслушала.

Они вместе вышли из магазина, отражаясь в зеркальных дверях – серый кролик и серая белочка. Ирина предложила подвезти, но Катя махнула рукой:

– Да вот же наш дом, я уже пришла.

– А я тут рядом работаю! Значит, часто будем теперь встречаться. А то я тебя столько лет не видела, хоть и живем в одном городе.

– Я читаю вашу газету. – Катя подумала, что редактору «Вестей» будет приятно это услышать. И честно добавила: –

Теперь, когда есть что читать.

Ирина от души рассмеялась и подтвердила:

– Да, мы растем. Скоро заманю к себе настоящего журналиста, выпускника МГУ.

– А Караваева – ненастоящая?

– Нет, Караваева тоже молодец. Но Алеша, конечно, был лучше – даже не сравнить! Он же всё начал с нуля, остальные придут на готовое. Мне его очень не хватает! Но учеба, безусловно, важнее.

Катя слушала внимательно и смотрела не отрываясь – Ирина не лукавила. Она всегда говорит то, что думает, словно считает ниже себя притворяться и лицемерить.

– Я вас, наверное, задерживаю? Пойду, меня Арчи поджидает, пора гулять – на каток я его не беру.

Ирина серьезно попросила передать пуделю привет.

– А у вас какая собака? – спросила растроганная Катя, чтобы ответить тем же. Ирина собак обожала, и, кажется, у нее был пожилой эрдельтерьер с рассудительной физиономией...

– Сейчас никакая. Старый Джерри умер, и мы пока не готовы... Помнишь, такой старый эрдель? С хвостом. Когда был щенком, не купировали, он потом из-за этого в выставках не мог участвовать. А хвост, – Ирина не мигая смотрела на Катю, – надо рубить вовремя. И сразу, не по кусочкам.

Арчи и правда заждался. Едва хозяйка открыла дверь, он без приглашения понесся вниз по лестнице, во двор. Катя еле за ним поспевала.

Немного коробило, что чувства ее брата – хвост.

Но по сути Ирина права.

Глава 26

Важно – неважно... Неважно – важно...

Какая разница?

(М/ф «Алиса в Зазеркалье»)

Вернувшись с прогулки, Катя бросила перчатки на полку у зеркала – а там «Гарри Поттер»!

– Мам, смотри, Никита книжку забыл, – показала она. – Вот растяпа. Так я и знала – что-нибудь да забудет. Вечно с ним всякие истории!

И начала со смехом рассказывать, как в музее отдала Никите билеты, а в другом корпусе, где современная живопись, их снова надо было показывать, и Никита долго рылся в кармане, и вдруг вытащил из него вместо билетов – лоскуток в клеточку! Наверное, завалился с портновского стола, когда он еще выкройку чертил. Ну, хохма! Еще бы метровую линейку в карман засунул или надел на голову сковороду, как классический Рассеянный! И главное, сам растерялся, покраснел до ушей, роется везде, и в куртке, и чуть ли не в шапке, и не находит – сзади целая очередь собралась!

Вера Васильевна слушала повествование в замешательстве, переходящем в ужас: с каким удовольствием Катька все это расписывает! Как отчетливо звучат издевательские нотки – спокойная рассудочная дочка стала вдруг похожа на сына-насмешника, не щадящего никого и ничего ради красного словца.

То, чего она и опасалась! Это был именно тот смех, который мог бы не просто ранить, а наповал убить Никиту, услышь он его. А вдруг случайно услышит когда-нибудь?! Как же дети могут быть жестоки, пусть и неосознанно! Катя все твердила ей, что братец слишком избалованный, изнеженный, и ему бывать у них на пользу – хоть немного научится правильно держаться. А вдруг ей еще вздумается преподать ему какой-нибудь урок из лучших побуждений?!

Вера Васильевна полагала, что уже согласилась с мужем и со здравым смыслом – не стоит на каждом шагу влезать в дела взрослеющих детей, невозможно дышать и жить за них, нельзя постоянно бежать впереди, подстилая соломку... Но сейчас она должна что-то сделать! Катя сама ничего не поймет. Алексей Иванович уже вернулся с работы,

но собирать военный совет некогда.

Дочка уже переделалась и двигалась в сторону ванной, на ходу разглядывая какой-то пузырек.

– Это что? – спросила Вера Васильевна, чтобы выиграть время.

– Оттеночная пенка, – ответ прозвучал довольно раздраженно. – Хочу попробовать. Зоя подарила. «Красное дерево». Не бойся, через шесть–восемь раз она полностью смывается – так написано!

Дернул же черт попасться маме именно в эту минуту! Сейчас пойдут разговоры, занудство на полчаса, и призванный на помощь папа подключится: ну, дочка, ну, ты же у меня красавица, зачем тебе это надо... Хотела ведь преподнести «сюрприз»! Что было бы самым разумным. По-пластунски, что ли, в ванную пробираться?!

Но мама неожиданно предложила:

– Давай помогу. Длинные волосы сложно самой намазать. – И крикнула папе: – Мы с Катей в ванной, нам не мешать! И Алешка вернется – пусть на кухне руки помоеет, не рвитесь к нам никто!

И они закрылись.

«Зефир» был самым древним домом в городе, еще с газовыми колонками. Их собирались заменить во время капитального ремонта, но он всё откладывался. Была в них и определенная выгода: летом весь город мучился без горячей воды, а жильцы «зефира» этих мук не ведали. Но Катя всегда боялась колонки. Она помнила те времена, когда их запросто сажали в ванну вместе с Алешкой, и ей доставалось именно то неприятное место с краном, нависающим над головой, со страшной дырой, заткнутой ненадежной пробкой, и близостью колонки, которая шумно, равномерно выдыхает теряющий пламя газ. Алешка подлый нарушает границу двух половин и теснит ее к возможному взрыву, а вода так горяча – и непонятно, что хуже.

Давно прошли и те времена, когда отец заскакивал в ванную во время ее купания – запросто за бритвой. Только

мама может войти потереть спинку – а заодно и ручку – а заодно и ножку...

А сейчас она большим гребнем с широкими зубьями расчесывает Катины волосы, намазанные пенкой, уже, кажется, не крамольной. Удивительно, но мама в духе, судя по ее обычному разговору, из тех, что Катя так любит: с одного на другое, сиюминутные дела, куски семейной хроники.

– ...и тогда в подъезде под их дверью оказалась корзинка с грудным мальчиком...

– Ну и ну! В те времена еще такое было! А тетя Надя не могла сама родить?

– Это давно все знали, я думаю, потому и поставили под их дверь.

– Выходит, он мне – никто? В смысле – не родственник?

– Да нет, он всегда рос как родной, и сам, конечно, считает себя братом тебе и Алеше. Я так рада, что вы его приняли и дружите – а поначалу опасалась немного, что вдруг не сойдетесь, начнете насмешничать. Он все-таки немного не такой, как все, а вы с Алешкой – порядочные язвы...

– Ну что ты. Матрос салагу не обидит, – покровительственно заявила Катя. – Не бойся, мам, я Никиту люблю – почти, как Алешку! И эта история ничего же не меняет. Это совершенно неважно! Мне наплевать, что он не кровная родня – все равно он наш!

У Веры Васильевны отлегло от сердца. Она правильно выбрала момент! И дочь ее поняла правильно! Все-таки стоит доверять материнской интуиции.

Катя была довольна: цвет получился не искусственный, не резкий, а очень интересный и оживляющий. Видно даже по мокрым волосам. А вот сейчас она их высушит... А мама все же – молодец! Они с ней не на разных островах! Наконец она поняла, что дети – на их стороне, и родителям нечего прятаться от них по углам и секретничать.

– А почему ты сейчас решила рассказать?

– Для тети Нади все это очень болезненно – она

считает, что об этом должна знать только семья, и только взрослые. Ну, я и решила, что уже пора. И начала с тебя, а не с Алеши – мне показалось, что тебе важнее знать, ты с Никитой больше сблизилась...

– А Никита сам ничего не знает?

– Конечно, нет. Надеюсь, что и не узнает. Представляешь, как бы все для него перевернулось. По-моему, это для кого угодно было бы тяжело, а для него тем более, он такой...

Катя думала, что мама скажет о чувствительности двоюродного брата, но она завершила неожиданно:

– По-моему, он и так не особенно привязан к матери. Помнишь, тогда отчудил – ему, мол, кажется, что я и есть его мама. Надо же такое сморозить! Конечно, это глупый возраст, родителей по-настоящему начинаешь ценить, когда вырастешь, но я всё так болезненно воспринимаю из-за Нади. Поневоле думается, что это сказывается чужая кровь – а ведь это просто ребенок...

– Ну, мама, что ты говоришь, – рассмеялась Катя. – Это у тебя уже глюки! Вы же с тетей Надей так похожи, потому он так и сказал! Ничего тут нет обидного!

– Наверное...

Да, тяжело бедным взрослым – и все-то им мерещится, из-за всего они заморачиваются, всего боятся. Такой иногда ерунды напридумают – просто хуже маленьких! Ничего, она всегда будет рядом, чтобы в случае чего успокоить и поддержать. В конце концов, они женщины и всегда поймут друг друга.

И пусть мама с папой по-прежнему шепчутся на кухне – у них с мамой есть ванная, где так здорово вместе наводить красоту и вести свои разговоры.

И, разумеется, не требовалось слов, что Катя будет хранить втайне то, о чем свободно говорилось в семейном кругу.